

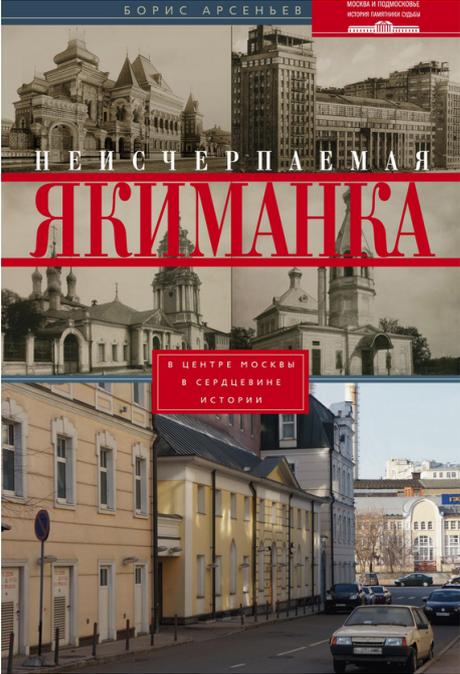
БОРИС АРСЕНЬЕВ

МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ
ИСТОРИЯ ЗАПЛЕЧЕНЫ С НАМИ

НЕИСЧЕРПАЕМАЯ

ЯКИМАНКА

В ЦЕНТРЕ МОСКВЫ
В СЕРДЦЕВИНЕ
ИСТОРИИ



Борис Вячеславович Арсеньев
Неисчерпаемая Якиманка. В центре
Москвы – в сердцевине истории

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6702846

Арсеньев, Б.В. Неисчерпаемая Якиманка. В центре Москвы – в сердцевине истории : ЗАО

Издательство Центрполиграф; Москва; 2014

ISBN 978-5-227-05087-8

Аннотация

Якиманка лежит в самом сердце столицы – напротив Кремля за Москвой-рекой. Она, кажется, вместила в себя целый мир – улицы, площади, дома, парки, события, судьбы, явления, замыслы, традиции, курьезы, легенды и тайны... Она переполнена достопримечательностями. Среди них архитектурные памятники и целые ансамбли семи столетий – с XV по XXI. Многие сооружения Якиманки давно признаны хрестоматийными, неизменно включаются в архитектурные справочники и энциклопедии.

Содержание

Вступление	5
Парадные ворота Якиманки	14
Верхние Садовники. Стрелка	25
Вокруг Болотной	50
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Борис Арсеньев

Неисчерпаемая Якиманка. В центре Москвы – в сердцевине истории

© Арсеньев Б.В., текст, 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2014

Вступление У подножия Кремля

Осенней ночью с 3 на 4 ноября 1969 г. в центре Москвы прогремел взрыв. В груды обломков превратились стены и своды древнего здания. Так, во исполнение планов реконструкции столицы, был окончательно разрушен давно закрытый и обезображенный храм Святых праведных Богоотец Иоакима и Анны. Именно он, осенявший свое место несколько столетий, дал название старинной московской улице Якиманке, а она, в свою очередь, административной единице – Якиманской части. Прошли годы, изменились времена... Сегодня в Москве, в ее Центральном административном округе, есть муниципальный район Якиманка. О нем и пойдет речь в этой книге.

Якиманка лежит в самом сердце столицы напротив Кремля за Москвой-рекой. Район невелик – один из самых маленьких в огромном многомиллионном мегаполисе. Население – 26 тысяч жителей, площадь – 483 га. Пешеход пройдет Якиманку из конца в конец, от Болотной площади до окраины Нескучного сада, всего за полтора часа. Познавать же этот малый кусочек исконно московской земли можно всю жизнь – настолько велика здесь концентрация истории, насыщена культурная среда. Якиманка, кажется, вместила в себя целый мир – улицы, площади, дома, парки, события, судьбы, явления, замыслы, традиции, курьезы, легенды и тайны... Она переполнена достопримечательностями. Среди них архитектурные памятники и целые ансамбли семи столетий – с XV по XXI. Своими творениями здесь представлены лучшие зодчие разных эпох. Палаты Аверкия Кириллова с церковью Николая на Берсеневке, храмы Воскресения в Кадашах, Григория Неокесарийского, Иоанна Воина, 1-я Градская больница, Марфо-Мариинская обитель, особняк Игумнова, Дом на набережной с кинотеатром «Ударник», Крымский мост... – многие сооружения Якиманки давно признаны хрестоматийными, неизменно включаются в архитектурные справочники и энциклопедии. Магистралы, площади, скверы и даже речную гладь украшают монументы – от самого большого в столице 98-метрового «В ознаменование 300-летия Российского флота» на островке у Стрелки до миниатюрного памятника писателю И.С. Шмелеву. Якиманский пейзаж оживляют колоритные детали – художественные решетки, рельефы, керамические фризы, фигурные фонари и даже необычные крышки канализационных люков...

Сама планировочная структура района – памятник градостроительства. Наш современник едва ли заблудится в лабиринтах Якиманки, пользуясь самым первым геодезическим планом Москвы, составленным еще в 1739 г. под руководством зодчего Ивана Мичурина. Человек же прошлого, явись он в наш век, наверное, узнал бы некоторые здешние уголки – Кадаши, Берсеневку, Софийскую набережную, Ордынку, Нескучный сад... Несмотря на утраты, перманентную реконструкцию, еще сохранились целые кварталы старинной застройки – осколки Москвы-матушки. Ее панорама с высот Кремля, некогда завораживавшая и русских людей, и иностранцев, по-прежнему узнаваема. Якиманка воплотила в себе, пожалуй, в большей полноте, чем другие районы, особенность Москвы – развиваясь и бесконечно изменяясь, воспроизводить в своем облике извечные черты – цветущее многообразие, пестроту, контрастность впечатлений... «И то, что зрелость до потопа, в тебе еще и ныне зрим», – писал о древней столице князь Петр Вяземский еще в 1858 г. И добавлял: «Разнообразье – красота».

Ревнителям классической гармонии Якиманка может показаться архитектурной какофонией, градостроительным хаосом. Но в этой контрастной мозаике – своя привлекательность, острота впечатлений. Сверхсовременные «билдинги» соседствуют с ампирическими особнячками, громыхающие магистралы с тихими дворцами и закоулками. Из тесноты

плотно застроенных кварталов вдруг попадаешь на простор Москвы-реки и Водоотводного канала, через которые в пределах района перекинуто 12 мостов – один красивее другого. Ведь вдоль прибрежной полосы, которую в старину занимали заливные луга, Государев сад и аристократические усадьбы, протянулась уникальная цепь зеленых пространств – сквер на Болоте, парк искусств «Музеон», ЦПКиО имени Горького с Нескучным садом. Вместе с внутриквартальными и уличными островками живой природы – это 14 га, четверть площади всей Якиманки. Она – самый зеленый район московского центра. Правда, иные кварталы похожи на каменные мешки.



Улица Большая Якиманка

Якиманка – не просто архитектурное пространство. Она прежде всего пространство большого исторического времени. От обыденности до истории здесь – один шаг. Рассказ о Якиманке – это не только повествование о патриархальной купеческо-мещанской старине, об исконно московском житье-бытье под мирный перезвон замоскворецких колоколов. Много из того, что совершалось и совершается здесь, долгим эхом отзывается в стране и мире. В свою очередь, мировые события и явления оставляют глубокий след на якиманской земле. Район в сердце Москвы оказался и в эпицентре истории с ее борениями, взлетами, катастрофами, смутами и прозрениями. В анналах Якиманки имена всех отечественных правителей от великих московских князей, царей, императоров и императриц всероссийских до советских генсеков и президентов новой России. Оставляли здесь память по себе и зарубежные лидеры – Наполеон, Черчилль, де Голль... Для российской государственности, политической и общественной жизни Якиманка была и остается значимым местом. Дом на набережной или Болотная площадь превратились в символы эпох и явлений.

В якиманских летописях есть страницы суровые, огненные, ратные. Здесь порой разыгрывались сражения с иноземными недругами, сходились на междоусобную брань соотечественники во времена смут и революций. В древности Замоскворечье представляло собой крупнейшее военное поселение, где дислоцировались иностранные наемники, а затем московские стрельцы. В XVIII–XIX вв. здесь жили выдающиеся полководцы и флотоводцы императорской России, а в советское время – не менее 20 маршалов и полных адмиралов, среди них Г.К. Жуков, И.С. Конев, М.Н. Тухачевский, И.Х. Баграмян, Н.Г. Кузнецов, И.С. Исаков, С.Г. Горшков. В тихих якиманских переулках создавалось и совершенствовалось отечественное ядерное оружие.

Замоскворечье, Якиманская часть – родные места российского предпринимательства. Оно зарождалось в недрах богатейших слобод – Кадашевской и Садовой. Позднее на Якиманке пустили глубокие корни именитые купеческие фамилии Бродниковых и Алексеевых, Лепешкиных и Бахрушиных, Третьяковых и Рябушинских... Сегодня район переполнен офисами компаний, в том числе крупнейших.

Старое патриархальное Замоскворечье в просвещенной среде имело репутацию «темного царства» – вовсе не заслуженную. Интеллектуальная и культурная жизнь здесь всегда была напряженной. В этих краях создавал свой замечательный ботанический сад Прокофий Демидов, а Владимир Аршинов организовывал первый в России частный научный институт. С районом связаны имена великих ученых и конструкторов. На его территории в Нескучном дворце с 1934 г. располагается Президиум Академии наук. На Якиманке несколько высших учебных заведений, научных институтов и конструкторских бюро.



Храм Святого благоверного царевича Димитрия при 1-й Градской больнице

Якиманские адреса и сюжеты мелькают на страницах произведений и летописи русской литературы, в биографиях А.С. Пушкина и И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и А.Н. Островского, А.П. Чехова и О.Э. Мандельштама, Б.Л. Пастернака и А.А. Ахматовой... Музыка, театр, кино, изобразительное искусство составляют мощный культурный пласт района. Именно здесь, в купеческом Замоскворечье, родилось крупнейшее начинание отечественной культуры – Третьяковская галерея. На современной Якиманке работают несколько музеев, выставочных залов и Центральный дом художника.

Еще одна особенная черта района, дошедшая из глубины веков, несмотря на все коллизии истории, – насыщенность церковной жизни. Здесь ныне действуют 24 храма и часовни. Такой их концентрации на душу населения нет ни в одном другом районе Москвы. Святыням этим, как правило, не одна сотня лет. Якиманка – место древнее, намоленное, благословенное... Здесь всегда были сильны традиции благотворительности и милосердия. Их памятниками остаются 1-я Градская и Голицынская (ныне – корпус 1-й Градской) больницы, Марфо-Мариинская обитель... Сегодня в районе есть Музей российских предпринимателей, благотворителей и меценатов.

Огромное культурно-историческое и духовное наследие Якиманки накапливалось столетиями... Под 1365 г. летописец записал: «Загоряся церковь Всехъ Святыхъ и отъ того погоре весь градъ Москва, и посадъ, и Кремль, и Загородие, и Заречье». Так, в сообщении о великом Всехсвятском пожаре впервые в письменных источниках упоминается о районе за Москвой-рекой – Заречье, Замоскворечье, исторической частью которого является Якиманка. Однако предыстория этих мест простирается в гораздо более глубокую древность. На территории Якиманки, прямо напротив Кремля, обнаружены каменные топоры четырехтысячелетнего возраста, а в Нескучном саду – славянские курганы и селища. В XII в. по этим краям, переходя Москву-реку бродом близ устья Неглинной, пролегла большая дорога из Великого Новгорода через Волок Ламский в южнорусские земли – в Чернигов и Киев. Стра-

тегически важный перекресток речных и сухопутных путей на пограничье Ростово-Суздальского княжества призвана была охранять крепость на Боровицком холме. Москва расширялась, обрастала посадами. Но местность за рекой заселялась медленнее других кремлевских окрестностей. Тому было несколько причин. Своенравная, бурная в половодье Москва-река изолировала район от ядра города. Постоянных мостов на ней не было вплоть до конца XVII столетия – одни наплавные – «живые», не слишком надежные. Низменное Замоскворечье постоянно страдало от наводнений, оставлявших после себя старицы, болота, бочаги-озерки. Наконец, эта ровная, не имевшая естественных рубежей местность была плохо приспособлена для обороны. Ее не укрепляли, и в годы лихолетий немногочисленное население Заречья уходило на другой берег в белокаменный Кремль, постройки же сжигались, чтобы не дать неприятелю укрытия и материалы для осадных приспособлений. Такое повторялось не раз: в 1368 и 1369 гг., когда Москву осаждал великий князь литовский Ольгерд Гедиминич, и в 1382 г. во время нашествия золотоордынского хана Тохтамыша, и в 1409 г., когда к стольному граду подступил Едигей, и в 1451 г. – в дни «скорой татарщины» царевича Мазовши.

Долгое время Заречье служило сельскохозяйственным пригородом Москвы. На прибрежных лугах выпасали великокняжеских лошадей, чуть дальше от реки появились уже пашенные угодья – всполья. С XIV в. здесь известно село Хвостовское. Густой хвойный лес, изначально покрывавший Заречье, постепенно отступал. С XV в. дошли сведения о монастырях Иоанна Предтечи под Бором и Рождества Богородицы в Голутвине, о сельце Колчевском, о нескольких существующих и поныне храмах, тогда еще деревянных. Заселению и освоению южного московского предградья способствовало то, что через него от столицы великого княжения прошли оживленные торговые и военные дороги на Коломну, Серпухов и далее в Орду, а также в Боровск и Калугу. За рекой поселили и «ордынцев» – обслугу татарских посольств.

В 1493 г. произошло событие, оказавшее большое воздействие на судьбу Замоскворечья. Великий князь Иван III, отстраивая заново кремлевскую цитадель и создавая вокруг нее оборонительный и противопожарный плацдарм, повелел разбить за Москвой-рекой огромный плодовый сад. По сторонам его тремя большими слободами были поселены государевы садовники. Южнее, за старицей, издавна располагалось село Кадашево, впоследствии знаменитая Кадашевская хамовная слобода. Впрочем, коренные москвичи, видимо, не слишком жаловали эти отдаленные, опасные и малоосвоенные места. Сюда селили «сведенцев» – насильственных переселенцев из покоренного Великого Новгорода. Василий III расквартировал здесь в слободе Наливки иноземных воинов-наемников, наделив их немалыми привилегиями.

Повседневную жизнь предместья нарушали пожары, эпидемии. В царствование Ивана Грозного в мае 1571 г. к Москве внезапно подступило 120-тысячное войско крымского хана Девлет-Гирея. Русская рать князя И. Д. Бельского успела преградить путь недругу в Замоскворечье. Большой полк встал на Большой улице (вероятно, Ордынке), полк правой руки – «в Якиманской улице», а передовой полк – на «Ногайскому лугу против Крутиц» (район современного Павелецкого вокзала). «И под Московью бояре и воеводы бились...» – сообщает Разрядная книга. Иван Бельский был ранен, но татары не смогли прорваться в город. Тогда хан приказал поджечь неукрепленные посады. Выгорела вся Москва, тысячи людей погибли в огне и дыму, утонули, пытаясь спастись в реке.

Едва Царствующий град оправился от разорения, в 1591 г. на его подступы явилось новое крымское войско – хана Казы-Гирея. Его удалось отбить в сражении между Калужской и Серпуховской дорогами, но стала очевидной необходимость укрепления разросшихся московских посадов. По указу царя Федора Ивановича и под руководством боярина Бориса Годунова всего за полтора года был сооружен оборонительный пояс в виде многокиломет-

ровой деревянной стены со множеством башен. За скорость постройки его прозвали Скородомом.

Казалось, Заречье получило надежную защиту. Но крепостные твердыни оказались бессильны, когда Московское государство постигла Смута – глубочайший системный кризис, осложненный иноземным вмешательством. Правда, ни поставцы Ивана Болотникова в 1606 г., ни позднее Тушинский вор (Лжедмитрий II) не смогли взять столицу. Но в 1610 г. в Москве без боя водворился 8-тысячный польско-литовский гарнизон, приглашенный московскими боярами, присягнувшими королевичу Владиславу. Весной 1611 г. Заречье стало полем жестоких боев восставших москвичей, воинов Первого земского ополчения и казаков с интервентами, которые, пытаясь избежать блокады, сожгли Скородомом. Именно отсюда, с юга, смог прорваться на помощь осажденным полякам отряд Сапеги. Летом 1612 г. оккупированную Москву обложило Второе ополчение К. Минина и Д. Пожарского – 10 тысяч конных дворян, стрельцов, служилых татар, вооруженных крестьян и посадских людей, а также казаки Д. Трубецкого. Одновременно с запада к столице приблизилось 12-тысячное войско шляхтичей, немецких и венгерских наемников и запорожцев гетмана литовского Яна Кароля Ходкевича с огромным обозом для снабжения Кремлевского гарнизона. 22 и 24 августа развернулись тяжелые бои. Главные события произошли в Заречье – на пепелище Скородома, в казачьих острожках рядом с храмами Георгия и Климента, близ церкви Екатерины Мученицы на Ордынке у Крымского брода и Крымского двора. Ходкевич был отбит. Это сражение, полузабытое ныне и никак не увековеченное в столице, сыграло огромную роль в судьбе России. Победа в нем предопределила скорое освобождение Москвы от интервентов и в конечном счете преодоление Смуты.

После лихолетья начала XVII в. выжженное и опустошенное Заречье возродилось, словно феникс. Новый грандиозный оборонительный пояс вокруг Москвы – Земляной город с каменными башнями Калужских и Серпуховских ворот – дал жителям посадов неведомое ранее ощущение защищенности, стабильности. Его не могли развеять ни частные пожары, ни бунты, ни страшная эпидемия чумы, ополовинившая в середине столетия население Белокаменной. В период своего расцвета вошли замоскворецкие слободы – привилегированные дворцовые Садовая, Кадашевская, Конюшенная Малых Лужников, тягловая «черная» Голутвинская. Многие храмы, прежде деревянные, оделись в камень, украсились кирпичным и белокаменным узорочьем и изразцами. В усадьбах богатых слобожан появились каменные палаты. Был сооружен огромный Кадашевский хамовный (ткацкий) двор. Заречье, ранее менявшее свой облик после каждого большого пожара, теперь строилось на века. Закреплялась его планировка. Главные улицы, начинаясь с москворецких переprav, стягивались к воротам Земляного города, формировалась сеть внутрислободских и межслободских проездов, торговых площадей. Заречье по-прежнему оставалось большим военным поселением. Здесь дислоцировалось до шести стрелецких приказов (полков), расквартированных в слободах и охранявших укрепления Земляного вала. Были здесь и слободы Казачья и Старая Панская, где жили иноземцы на службе царя. Иноплеменников в этих краях селилось немало. Существовала большая Татарская слобода, на Крымском дворе останавливались посольства и торговцы из ханского Крыма. За Калужскими воротами возникло единственное в городе мусульманское кладбище.

При этом Заречье все еще оставалось отдаленной окраиной Москвы. Очередное судьбоносное для него градостроительное событие произошло на исходе XVII столетия. Была создана надежная связь центра с южным предместьем. Эпоха Петра I принесла району большие перемены. Изменился состав населения. Мятежное стрелецкое войско было выселено из Москвы и упразднено. В Заречье стало все активнее внедряться дворянство. Аристократические усадьбы появились и на живописном крутобережье Москвы-реки за Калужскими воротами. В 1701 г. сгорел Государев сад, началась застройка Софийской набережной напро-

тив Кремля. По воле Петра сооружаются крупнейшие производственные и складские комплексы – Суконный, Винный и Житный дворы. В XVIII в. в Замоскворечье вторгается бурный дух барокко. Новые европейские культурные веяния проникают и в архитектуру, и в городской быт. Строятся великолепные храмы и палаты. По случаю военных викторий и коронаций по замоскворецким улицам шествуют триумфальные процессии, на Царицыном лугу против Кремля устраиваются грандиозные фейерверки.



Водоотводный канал

Век Просвещения не мог мириться с хаосом древней Москвы. Предпринимались попытки регулирования градостроительных процессов на рациональных началах. В составленном по указу Екатерины II в 1775 г. «Прожектированном плане» реконструкции Москвы немалое внимание уделялось и Замоскворечью. Его, в частности, предполагалось обезопасить от постоянных наводнений, проложив по древней старице Водоотводный канал. Это удалось осуществить лишь частично и спустя много лет. Так образовался остров напротив Кремля.

В 1782 г. Москва в рамках административной реформы была разделена на 20 полицейских частей. Три из них располагались в Замоскворечье. В 1797 г. они получили названия по главным улицам. Так появились Якиманская, Пятницкая и Серпуховская части. К началу XIX столетия в них было уже немало прекрасных каменных зданий, к созданию которых приложили руку лучшие зодчие эпохи классицизма – В. Баженов, М. Казаков, А. Бакарев... Но 3/4 домов оставались еще деревянными. В 1812 г., когда в Москву вступила Великая армия Наполеона, Замоскворечье почти полностью погибло в огне пожара. В Якиманской части на 474 дома он не затронул только 39, то есть 8,2 процента. А в соседней Пятницкой уцелел лишь 1 процент застройки! Гораздо лучше дела обстояли в Серпуховской части. Здесь сохранилось 57 процентов домов. Мимо дымившихся развалин и редких нетронутых пожаром зданий по Якиманке и Калужской уводил из Москвы свою армию Наполеон.

Вновь, уже в который раз за свою историю, Замоскворечью пришлось восставать из пепла. Возродилось оно быстрее большинства других районов города – главным образом за счет состоятельного и оборотистого купечества. В послепожарное время купцы и мещане неуклонно вытесняли дворянство из этих мест. Они вместе с духовенством многочисленных здешних церквей и рабочими местных предприятий, недавними крестьянами, определяли социальное лицо Замоскворечья, его внешний облик и особый уклад жизни – старозаветный, далекий от столичной суеты и светской моды. Контраст этот был хорошо заметен современникам.

А перейдешь через Крымский брод —

Другой язык, другой народ!

(Филимонов В.С. Москва. 1882)

Тем не менее район постепенно интегрировался в состав городского центра. В XIX в. были построены новые постоянные мосты через Москву-реку и Водоотводный канал Большой и Малый Каменные, Москворецкий, Чугунный, Крымский, облицована камнем Софийская набережная, созданы ансамбли Болотной, Серпуховской и Калужской площадей. В 1820–1830 гг. Москва опоясалась новой кольцевой магистралью, проложенной на месте древнего Земляного вала. Так образовалось Садовое кольцо. Территории за ним, прежде малоосвоенные, теперь интенсивно застраивались. Там появились объекты большой социальной значимости, такие как градская больница и мещанские училища за Калужскими воротами.



Болотная площадь

Индустриальная революция второй половины XIX – начала XX в., стремительные перемены во всех сферах жизни преобразили Москву. «Ворвался Манчестер в Царь-град...» – удивлялся Петр Вяземский еще в самом начале процесса. Не могло устоять под напором прогресса и патриархальное Замоскворечье. В нем множились промышленные предприятия – от первоклассных, европейски известных, таких как кондитерская фабрика «Эйнем», машиностроительный завод Густава Листа и Голутвинская мануфактура, до ничтожных полукустарных мастерских. По главным улицам прошли линии конно-железной дороги (конки), а затем и трамвая, для энергоснабжения которого на Болотной набережной была построена главная электростанция, вынашивались планы сооружения метро. Замоскворечье – вотчина купечества – стало одним из плацдармов молодого и пассионарного российского капитализма. Здесь строит свое огромное гостинично-деловое подворье В.А. Кокорев, открывается первый в Москве частный коммерческий банк – Купеческий. Символами побеждающего прогресса воспринимались не только новейшие канализации и водопровод, здания в модных архитектурных стилях эклектики, модерна и неоклассицизма, но и галерея русских художников П.М. Третьякова, и дом бесплатных квартир братьев Бахрушиных на Софийской набережной, и многочисленные благотворительные заведения, и даже первый спортивный яхт-клуб на Стрелке. Замоскворечье по примеру европейских городов все больше застраивается многоэтажными доходными домами и импозантными частными особняками. В жизни района заметнее проявляется культурная составляющая. Он становится интеллигентнее. Новое иногда мирно сосуществовало со старым, но все чаще вступало с ним в противоречие, которое проявлялось и в разрушении традиционной городской среды, и в острых социальных конфликтах.

1917 г. взорвал уже непрочный мир Замоскворечья. Его, как и всю страну, начали кроить и перекраивать по лекалам новой утопии. Разрушение и созидание шло рука об руку. С первых советских лет якиманская часть Замоскворецкого района Москвы (с 1930 г. – Ленинского, с 1968 г. – Октябрьского) воспринималась площадкой градостроительных экспериментов большого масштаба. Его прибрежная полоса во всех планах реконструкции и развития Москвы отводилась под парковую зону, элемент зеленого клина от Воробьевых гор в центр столицы. В 1923 г. здесь был осуществлен первый крупный градостроительный проект Москвы советской – Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. Позднее на этом месте возник Центральный парк культуры и отдыха – тоже первый в СССР. В 1927–1931 гг. у Большого Каменного моста было построено первое советское элитное жилое здание – Дом ЦИК – СНК СССР (Дом на набережной) – самое большое в тогдашней Европе. Здесь поселились те, кто творил историю и вскоре стал ее жертвой. Впоследствии поблизости появились дома писателей, кинематографистов, работников Академии наук. Коренные преобразования сулил району сталинский план реконструкции Москвы, принятый в 1935 г. Некоторые из них осуществились. Так, в результате создания новой москворецкой водной системы набережные оделись в гранит, были заново сооружены основные мосты, решена извечно актуальная для Замоскворечья проблема наводнений. Другие предназначения удалось реализовать частично. Основные же, к счастью, остались на бумаге, например пробивка Южного проспекта по Большой Ордынке, продолжение Бульварного кольца за Москвой-рекой, грозившие полным разрушением исторической среды района. И все же утраты оказались значительны: из 50 храмов старого Замоскворечья погибли свыше 20, были снесены многие памятники архитектуры и целые кварталы старинных домов.



Кинотеатр «Ударник»

Великая Отечественная война и перенос в послевоенные годы акцента на массовое жилищное строительство на окраинах столицы затормозили обновление центральных районов. Старое Замоскворечье, Якиманка на какое-то время словно законсервировались в своем подлинном, хотя и дряхлевшем, облике. Лишь с конца 1960-х гг. вновь закрутилось, все убыстряясь, колесо реконструкции. За несколько десятилетий стали почти неузнаваемы Большая Якиманка, Коровий Вал, Житная, Калужская площадь, Шаболовка, Ленинский проспект. Исчезли многие исторические панорамы. В результате точечной застройки, значительного повышения этажности зданий изменилась сама градостроительная структура района. Она уплотнилась, приобрела несвойственный ей прежде масштаб, стала терять свой гуманизм, соразмерность и созвучие человеку, свою самобытность. Несмотря на то что еще в 1970-х гг. несколько замоскворецких кварталов были объявлены заповедной зоной, где ограничивалась градостроительная деятельность, развернулась реставрация памятников старины, архитектурно-историческое наследие района продолжает оскудевать. Сносятся

ценные здания, другие ветшают. В последнее время их часто заменяют новоделами – муляжами. Советский период оставил в этих местах ряд «памятников» в виде типовых панельных и блочных домов и громоздких административных зданий, постсоветская эпоха – образцы «коммерческой» архитектуры – элитные жилые и офисные комплексы, особняки, порой весьма эффектные, но, как правило, чуждые местному пейзажу.



Фабрика «Эйнем», ныне «Красный Октябрь»

В 1990 – 2000-х гг. скромная уютная Якиманка, выделившаяся в самостоятельный муниципальный район, окончательно втягивается в структуру центра московского мегаполиса. Сюда проникают столичный размах, лоск и роскошь. Из района выводятся почти все промышленные предприятия – свыше 50. Среди них старожилы Якиманской части – «Красный Октябрь» («Эйнем»), «Красный факел» (завод Густава Листа), «Красный текстильщик» (Голутвинская мануфактура). Осуществляются большие проекты общегородского и даже общенационального значения – реконструкция Третьяковской галереи и создание вокруг нее пешеходной зоны, строительство Патриаршего моста перед храмом Христа Спасителя, сооружение памятника 300-летию Российского флота (Петру I), обустройство парка искусств «Музеон»... На очереди – кардинальное преобразование всего замоскворецкого острова. Обсуждаются и еще более грандиозные планы. Сегодня Якиманка в своем стремительном обновлении подошла к рубежу, за которым либо полная утрата своего особого лица и души, либо обретение нового образа, сочетающего черты традиции и современности. Тем актуальнее становится задача освоения культурно-исторического наследия района. За последние десятилетия эту тему затрагивали несколько изданий. В их числе путеводитель «Якиманка», неоднократно переиздававшийся. В книге О.Р. Шмидт «Замоскворечье. Якиманская часть» квартал за кварталом описывается историческая территория в пределах Садового кольца. обстоятельные рассказы о достопримечательностях этих мест можно найти в работах С.К. Романюка и О.А. Иванова. В издании «Памятники архитектуры Москвы: Замоскворечье» содержится научный анализ ряда сооружений района и его градостроительного развития в целом. В 2007 и 2009 гг. вышли в свет два тома первой в столице энциклопедии одного района «Якиманка от А до Я», созданной автором этих строк совместно с А.Д. Гадасиной.

Предлагаемая читателю книга – это подробное обозрение колоритнейшего уголка Москвы в его прошлом и настоящем. Оно составлено на основе новых изысканий и с учетом последних изменений, произошедших на Якиманке. Путеводитель охватывает все 67 улиц, переулков, площадей, проспектов, набережных, проездов и тупиков района, большинство его зданий, а также мосты, парки, скверы, монументы, мемориальные доски и другие достопримечательности. При этом книга не претендует на исчерпывающую полноту. Ведь Якиманка, как и сама Москва, неисчерпаема...

Парадные ворота Якиманки

В края якиманские ведут разные пути. Парадный подъезд – это Большой Каменный мост. От стен Кремля с Боровицкой площади он стремительно и властно шагает через неширокую здесь Москву-реку и ее набережные на улицу Серафимовича, бывшую Всехсвятскую. Монументальное детище сталинской эпохи, памятник «большого стиля», мост сотворен из стали, бетона и гранита с претензией на вечность. Убедительный архитектурный образ словно затмил память этого места. Она между тем огромна...

Издревле здесь на Москве-реке, чуть выше устья Неглинной, существовал удобный каменистый брод. Через него пролегла Волоцкая дорога, связывавшая Новгород Великий с Рязанью, Черниговом, Киевом. Именно по ней весной 1147 г. возвращался в свои владения князь Святослав Ольгович после знаменитой встречи с Юрием Долгоруким, которая дала повод для первого упоминания в летописи о Москве. Так, во всяком случае, полагал известный москвовед П.В. Сытин. Торговой магистралью, ответвлением великого Балтийско-Волжско-Донского водного пути была и сама Москва-река. На ее левобережье Волоцкую дорогу пересекала другая, соединявшая Смоленское княжество с Ростово-Суздальской землей. Вот этот стратегический перекресток водных и сухопутных путей и призвана была охранять крепость Москвы на близлежащем Боровицком холме.

Постепенно город разрастался. Надо полагать, что на москворецком броде выше Неглинной ежегодно наводили деревянный наплавной мост. На первых московских планах он не показан. Но еще в XV в. венецианские дипломаты И. Барбаро и А. Кантарини насчитали на Москве-реке «несколько» и даже «множество» мостов, один из которых вполне мог дополнять оживленный брод.



Большой Каменный мост

Идея сооружения капитальной всесезонной переправы созрела лишь в XVII в. После преодоления последствий Смутного времени в Заречье под защитой нового Земляного вала росли и богатели ремесленные и военные свободы, заметно увеличилось население. Стала очевидной необходимость наладить надежную связь этих мест с ядром города. Решено было строить каменный мост – первый на Москве-реке. Задача оказалась чрезвычайно сложной. Опыт такого строительства в России был тогда весьма скромен. Москва могла похвастаться всего двумя кирпичными мостами – у Троицких ворот Кремля через Неглинную и у Спасских – через крепостной ров. Оба были построены еще в начале XVI в. итальянскими зодчими. Масштаб и сложность предполагавшегося сооружения на Москве-реке не шли с ними ни в какое сравнение. Поэтому вновь обратились к иноземному опыту. В 1843 г. из Страсбурга выписали «палатного мастера» Анце Кристлера. Он прибыл со своим дядей-подмастерьем и привез с собой строительные инструменты – ворота, блоки, кирки и многое дру-

гое, вплоть до медной обжигательной печи. Под наблюдением мастера русские дворцовые плотники изготовили деревянную модель моста. 31 июля 1644 г. дьяки Посольского приказа Григорий Львов и Степан Кудрявцев осмотрели ее, а также «чертеж на три статьи».

Комиссию особенно интересовало, устоит ли мост во время сильного ледохода и выдержит ли перевозку тяжелой артиллерии. Кристлер дал утвердительные разъяснения. В тот же день модель осмотрел сам царь Михаил Федорович. Началась было заготовка стройматериалов. Но вскоре скончался царь, а затем и Кристлер. Дело заглохло, и о нем забыли на много лет.

О дерзком замысле вспомнили только в 1678 г., когда у власти в государстве стояла регентша при малолетних царях Петре и Иване царевна Софья, а всеми делами ведал ее фаворит Василий Васильевич Голицын – поборник европейского просвещения и реформ, великий строитель. Москва в эти годы строилась как никогда прежде. Началось наконец и сооружение моста. В русле реки забили дубовые сваи, по ним уложили настил из брусьев и начали выводить белокаменную кладку. Строительство не прекратилось и после того, как в 1689 г. возмужавший царь Петр Алексеевич отстранил сестру Софью от власти, а ее фаворита сослал в далекий Каргополь. Предполагается, что руководил работами русский зодчий-монах старец Филарет. Он, как выяснил знаток отечественного мостостроения Б.Н. Надежин, внес в первоначальный проект Кристлера серьезные изменения.

Через несколько лет грандиозная стройка наконец завершилась. Высокий массивный мост длиной около 150 м и шириной 22 м имел восемь пролетов. Их размеры увеличивались от центра к берегам. С одной стороны мост упирался во Всехсвятские ворота Белого города и смыкался с внешней низкой стеной Кремля, позднее снесенной. Замоскворецкий же въезд охраняла мощная башня с часами и шестью воротами на три стороны. Изукрашенная белокаменным узорочьем и цветными изразцами, она была увенчана высоким двухшатровым верхом, наподобие Воскресенских (Иверских) ворот Китай-города. Очевидно, мост все еще по старинке мыслился частью московской крепости, хотя внешняя угроза для столицы России была уже минимальной, да и методы фортификации существенно изменились. Возведенное на пороге Нового времени сооружение отдавало средневековой архаикой. Не только купцы, но и светлейший князь А. Меншиков настроили на мосту торговых лавок. Здесь же стояла палата Азовского Предтеченского монастыря, располагалась табачная таможня. В Шести-вратной башне помещалась Корчемная канцелярия, ведавшая водочными делами, и тюрьма для корчемников, то есть нелегальных торговцев спиртным. Под мостом в боковых пролетах пенили воду колеса мельниц.

Величественное сооружение поражало воображение москвичей. Его нарекли восьмым чудом света. Официально же мост назывался Всехсвятским. Церковь Всех Святых в Чертолье находилась поблизости на левом берегу. Она существовала шесть веков – с XIV до XIX в. и была разрушена при строительстве храма Христа Спасителя. Но чаще мост называли просто Каменным. Полтора столетия он был достопримечательностью Москвы, ее гордостью. Не раз становился и местом торжественных церемоний. Осенью 1694 г. по Каменному мосту прошли 7500 ратных людей «польского короля» Ивана Бутурлина, чтобы в подмосковном Кожухове сойтись в «марсовой потехе» – больших маневрах с полками новорожденной русской регулярной армии. «Эта игра стала предвестником великого дела» – так оценивал Кожуховский поход Петр I. И великие дела воспоследовали... В 1696 г. была взята турецкая крепость Азов. Свою первую викторию Петр отпраздновал пышным триумфом в Москве 30 сентября. Шествие двигалось из Коломенского к Кремлю. Главного почетного места в процессии удостоился генерал-адмирал Франц Лефорт. Петр в черном мундире бомбардира возглавлял строй Преображенского полка. На Каменном мосту победителей встречали спешно выстроенные в затейливом барочном стиле первые в России триумфальные ворота – с живописными аллегориями, пояснительными надписями и статуями античных богов. С Шести-

вратной башни глашатай в рупор выкликивал имена проходивших военачальников, стрелецкие полки, выстроенные по сторонам процессии, салютовали пушечными залпами, звонили колокола московских церквей. Народ дивился на невиданное дотоле зрелище. В этот день Каменный мост словно соединил два исторических берега – Русь допетровскую, уходящую, и новую Россию.

Впоследствии Каменный мост еще не раз становился местом торжеств. Императоры и императрица всероссийские совершали по нему въезды в древнюю столицу. В 1774 г. здесь вновь воздвигли триумфальную арку – на сей раз в честь заключения Кучук-Кайнарджийского мира, завершившего победоносную войну с Турцией. Ежегодно 19 августа по Каменному мосту из кремлевского Успенского собора в Донской монастырь направлялся многолюдный крестный ход. Так отмечалась память спасения Москвы от нашествия крымского хана Казы-Гирея в 1591 г., которое приписывалось заступничеству чудотворной Богоматери Донской. С высоты Каменного моста москвичи любили поглазеть на фейерверки на близлежащем Царицыном лугу, на конные бега и кулачные бои на льду реки. Во множестве собирались здесь зеваки и во время ледохода и паводка. Зрелище вольного разгула стихии завораживало...



Большой Каменный мост

Да и в обычные дни на мосту было не протолкнуться. По нему сновали пешеходы, двигались экипажи и подводы, теснились мелочные торговцы, нищие и калеки, «гуляющие женки» заманивали прохожих. Проезд по мосту был платным – сборщики-мытники стояли тут же. Из Сыскного приказа сюда доставляли одетых в маски «языков», чтобы они высматривали в толпе воров и разбойников. А их вокруг было немало. Каменный мост снискал славу криминального центра Москвы. Под береговыми пролетами собиралась воровская братия. Здесь начинал свою блестящую криминальную карьеру легендарный вор, поэт и сыщик-«оборотень» Ванька Каин. Грабежи и убийства в районе Каменного моста были обычным делом. Трупы бросали в реку. Отсюда будто бы пошло и пережившее века выражение «концы в воду».

Морозным утром 10 января 1775 г. по Каменному мосту провезли на казнь на Болото главного государственного преступника империи Емельяна Пугачева. Высокие сани в виде эшафота медленно двигались в сопровождении конвоя кирасир по оцепленным полицией и запруженным народом улицам.

Каменный мост был свидетелем грозных событий 1812 г. 2 сентября, когда русская армия оставляла Москву, по нему прошла отступавшая с Воробьевых гор колонна под командованием генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова в составе 8, 7, 6-го пехотных и 4-го кавалерийского корпусов, а также 2-й кирасирской дивизии. Вместе с войсками из города уходили тысячи москвичей. Месяц спустя, 7 октября 1812 г., настала пора уже Наполеону покидать

выжженную, разграбленную, но непокоренную Москву. Путь неудачливого завоевателя пролег по Каменному мосту – из Кремля на Якиманку и Калужскую дорогу.

«Дороже Каменного моста», – говаривали в старой Москве, когда речь заходила о затратном деле. Не столько строительство, сколько содержание в исправности громадного сооружения требовало огромных усилий и расходов. В пролетах моста скапливался мусор, возникали ледяные заторы. Страдало судоходство, увеличивался размах наводнений. В 1731 г. по указу Анны Иоанновны были сломаны водяные мельницы, загромождавшие пролеты. В елизаветинское время мост реконструировали под надзором зодчего Д.В. Ухтомского. Тогда снесли Шестивратную башню. Но сооружение продолжало ветшать. В апреле 1783 г. во время паводка обвалились три арки. Были разрушены 11 каменных лавок купца Епанишникова. «Упал один стоявший в это время на мосту человек и убит, а развалинами задавлены бывший под мостом рыбак и две бабы, у берега для мытья платья находившиеся», – доносил Екатерине II московский главнокомандующий граф З.Г. Чернышев. Для освидетельствования фундамента сооружения и ремонта пришлось по предложению инженера И.К. Герарда построить плотину выше по реке и отвести воду в новое русло. Так появился Водоотводный канал. Мост починили, но и вся его дальнейшая биография оказалась чередой дорогостоящих ремонтов. Наконец, по выражению мемуариста Н.П. Вишнякова, «на мост махнули рукой», оставив тихо угасать.



Гостиница «Петергоф»

Однако «век девятнадцатый, железный» не мог долго мириться с такой средневековой экзотикой. Он смотрел в иные горизонты, нуждался в иных символах. Стремительно развивающаяся капиталистическая Москва нуждалась в современной транспортной инфраструктуре. Каменный мост оказался ее слабым звеном, и его решено было заменить новым. В 1858 г. сооружение, простоявшее полторы сотни лет, разобрали. Массивную кладку кое-где пришлось взрывать пороховыми зарядами. Стройматериалы, оставшиеся от восьмого чуда света, купец и подрядчик Е.М. Скворцов использовал при строительстве доходного дома на углу Воздвиженки и Моховой, где впоследствии появилась гостиница «Петергоф», а ныне помещаются офисы Федерального собрания РФ. Новый мост заложили там же, где стоял прежний, – в створе улиц Ленивки на левом берегу и Всехсвятской – на правом. Он начал строиться в 1858 г., а уже в следующем, 1859 г. состоялось его освящение и открытие. Инженеры А.В. Августинович и М.А. Данилов реализовали смелое и рациональное решение: на каменные береговые устои и два мощных быка с ледоломами в русле реки опирались три железных арочных пролета. Средний достигал 38,3 м длины, боковые – 31,9 м. Такую схему авторы называли «дешевейшей и красивейшей». По ней еще в 1830-х гг. был построен соседний Москворецкий мост. Однако его фермы выполнялись из деревянных балок. Новый же мост имел арочные пролеты из кованого железа. Он стал первым большим сооружением

такой конструкции в России и одним из крупнейших на тот момент в мире. Несмотря на широкое применение металла, мост унаследовал историческое название предшественника, так и оставшись Каменным.

В глазах горожан, в большинстве своем сожалеющих о разрушении старого моста, новый не представлял собой ничего особенного. Но пейзаж он не испортил, хорошо вписался легким силуэтом в панораму окрестностей Кремля. Наиболее очевидными были транспортные преимущества сооружения. Его пологий профиль и достаточная ширина позволяли пропускать большой поток экипажей и пешеходов. Впоследствии по мосту прошла линия конно-железнодорожной (конки), замененная в начале XX в. трамваем.

Стратегическое для города значение Большого Каменного моста проявлялось и во время гражданских конфликтов. В феврале 1917 г. здесь произошло трагическое событие. Революционные манифестанты попали под обстрел правительственных сил. Погибли трое молодых людей – рядовые 3-й военной автомобильной школы Василий Медков, Иван Самсонов и Ананий Урсо. «Великая и бескровная», как тогда называли Февральскую революцию, без жертв не обошлась. Юношей отпели в соседнем храме Николая Чудотворца на Берсеневке при стечении огромной массы народа.

Гораздо более ожесточенные и кровопролитные бои за Каменный мост разгорелись в октябре – ноябре 1917 г. Красногвардейцы замоскворецких предприятий – завода Густава Листа и Михельсона, фабрики «Эйнем», Трамвайной электростанции и трамвайного парка – вместе с солдатами 4-й роты 55-го запасного полка, сбив дозоры юнкеров, пытались здесь пробиться в центр города. Операцией руководил большевик М.В. Кржеминский по прозвищу Пан. После первого успеха атакующие попали под перекрестный огонь пулеметов с кремлевской стены, из дома на углу Ленивки и со звонницы храма Христа Спасителя. Красным пришлось остановиться и перенести направление наступления на Крымский мост и далее по Остоженке. На Большом Каменном мосту еще несколько дней не стихала перестрелка. Порой она не давала противникам поднять голову. Было немало убитых и раненых, в основном среди мирного населения. Красногвардейцы устроили пулеметную точку на часовой башенке Трамвайной электростанции, перекрыли мост окопом и баррикадой, отражая все попытки контратак противника. Позиционные бои завершились здесь только с общей победой большевиков.

В первые советские годы вопрос о замене моста-ветерана как будто не стоял. Всехвятская улица застраивалась по старым красным линиям. Мост вполне справлялся со своими функциями. Но в 1930-х гг. развернулась реконструкция москворецкой водной системы и потребовалось увеличить высоту столичных мостов, чтобы под ними могли проходить волжские суда. К тому же сталинский план реконструкции Москвы предполагал строительство широкой магистрали от Комсомольской площади через центр к Калужской заставе. В связи с этим старый мост был разобран и в 1937–1938 гг. заменен новым. Его проектировали инженер Н.Я. Калмыков и архитекторы В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейх, М.А. Минкус. Мост возвели чуть ниже по течению, ближе к Кремлю. Его трасса частично пролегла сквозь старинные кварталы, так что пришлось немало сносить, резать по-живому. Тогда были разрушены часовня Святого Николая Чудотворца подмосковной Николо-Берлюковской пустыни, соседние дома по Софийской набережной. Пошел под снос древний, возведенный еще в петровское время Суконный двор. А пятиэтажный жилой дом на углу с Болотной улицей, построенный десятью годами ранее моста, пришлось передвинуть на 74 м восточнее. Здесь он стоит и поныне.

Новый Большой Каменный мост по своим техническим параметрам, несомненно, превзошел предшественника. Его общая длина – 497 м, ширина – 40 м. Через Москву-реку он перешагивает единым пролетом – 105-метровой стальной аркой. Ее высота над средним уровнем реки – 8,4 м. Два береговых 40-метровых пролета перекрыты железобетонными

сводами. Основные материалы сооружения – сталь и бетон. Тем не менее мост сохранил традиционное название – Большой Каменный. Он пересекает реку не перпендикулярно, как прежний, а под углом 8 градусов, что усложнило конструкцию. Мост технически совершен, выстроен с большим запасом транспортных возможностей, не до конца исчерпанных и сегодня. Архитектурный образ сооружения основан на выразительном контрасте динамики стальных арок и монументальной статики береговых опор, облицованных грубоколотыми блоками серого гранита.



Храм Николая Чудотворца на Берсеневке

Чугунные перила Большого Каменного моста – уникальное произведение литейного искусства. На них изображены довоенные герб Москвы с обелиском советской Конституции. Монумент был установлен на Тверской площади и открыт 7 ноября 1918 г. Его автор – архитектор Д.П. Осипов. Позднее скульптор Н.А. Андреев изваял для памятника статую Свободы. На гербе столицы СССР, разработанном тем же Д.П. Осиповым и утвержденном Моссоветом в 1924 г., изображение обелиска Конституции помещалось в обрамлении звезды, серпа и молота, наковальни и зубчатого колеса с буквами «РСФСР», а также ленты с надписью «Московский совет раб., кр. и кр. деп.» (рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Эта символика просуществовала недолго. В апреле 1940 г. под предлогом несоответствия облика монумента Конституции архитектурному ансамблю улицы Горького памятник взорвали. В музейных недрах чудом сохранились лишь фрагменты андреевской Свободы. Эмблема советской столицы тихо и незаметно умерла, оставшись лишь на перилах Большого Каменного моста.

Мост строился как элемент ансамбля обновленного центра столицы СССР. Своим обликом он должен был сочетаться не столько с Кремлем, сколько с Домом правительства и его запроектированным вторым зданием, а главное, с Дворцом Советов на месте снесенного храма Христа Спасителя. Так что это еще и своеобразный памятник дерзким утопиям московского градостроительства.

Вскоре после открытия Большой Каменный мост подвергся суровым испытаниям. В 1941 г. его бомбила немецкая авиация при налетах на Кремль. На мосту погибли десятки людей. Когда гитлеровцы подошли к Москве, его заминировали, чтобы взорвать в случае вражеского прорыва.

В июле 1942 г. на Большом Каменном мосту произошло событие, вызвавшее скандал в советских верхах. Юные отпрыски высокопоставленных жителей соседнего Дома правительства – Нина Уманская, дочь новоназначенного посла в Мексике, и Володя Шахурин, сын

наркома авиационной промышленности, встретились здесь, чтобы объяснить перед разлукой. Узнав, что девушка надолго уезжает с семьей за границу, влюбленный юноша выстрелил в нее, а потом в себя. Выяснилось, что трофейный вальтер принадлежал не кому-нибудь, а самому члену Политбюро Анастасу Микояну, сын которого Ваню и одолжил пистолет другу. Лишь благосклонность Сталина к старому соратнику и политический расчет вождя предотвратили превращение романтической истории в «дело о террористическом заговоре». Сыновей Микояна Ваню и Степана (военного летчика, в будущем Героя Советского Союза) пришлось на время выслать в Среднюю Азию от греха подальше.

В 1945 г. толпы москвичей заполнили Большой Каменный мост, чтобы увидеть салют победы над Кремлем. С тем же ликованием здесь в апреле 1961 г. встречали Юрия Гагарина.

Большой Каменный мост часто называют главным мостом Москвы. И по праву. Через него идет основной транспортный поток в центр столицы. Мост – одна из визитных карточек столицы, его лучших видовых площадок. Панорамы Москвы отсюда мелькают в новостных программах телевидения многих стран. Для района Якиманка Большой Каменный – это главные северные ворота.



Дом правительства

Они открываются на парадный двор – **улицу Серафимовича**. Это обширное пространство, которому вполне подошло бы название площади, протянулось от Москвы-реки до Водоотводного канала поперек всего Замоскворецкого острова. Длина улицы около 360 м, ширина достигает 100 м. Свое нынешнее название она получила в 1933 г. по случаю юбилея некогда известнейшего и официально провозглашенного советским классиком писателя Серафимовича (А.С. Попова) – и еще при его жизни. Незадолго до этого он поселился здесь в Доме правительства. Так и дожил долгую жизнь в скромно обставленной двухкомнатной квартире на улице своего имени. Таково было время разнообразных «культов личности»...

На первый взгляд и сама улица из одной эпохи – той самой, сталинской. Вся ее застройка относится к 1920 – 1930-м гг. В действительности же летопись этого места насчитывает немало страниц. В древности здесь от переправы на Москве-реке пролегла Волоцкая дорога. Она шла по краю болота, мимо стариц, по топкой и низменной москворецкой пойме. (И сегодня здесь случаются провалы асфальта, в которые не раз попадали машины и даже троллейбусы.) В конце XV в. при Иване III в этих местах был разбит Государев сад. Появились слободы садовников: по правую сторону дороги – Верхняя Садовая, по левую – Средняя. В конце XVII в. был выстроен на Москве-реке каменный Всехсвятский мост. Получив надежную связь с ядром города, район заметно оживился, старая дорога превратилась в

улицу. За ней утвердилось название Всехсвятской – по мосту. В XVIII столетии для удобства проезда через Болото возвели земляную насыпь, мощенную булыжником. В то время Всехсвятская улица была обстроена внушительными каменными сооружениями. Всю ее правую сторону от Каменного моста заняли корпуса Винно-соляного двора.

Монополия на продажу водки издавна была важнейшим источником пополнения казны. «Кабачкиные деньги» держали бюджет на плаву. Особенно заметно это стало со времен Петра I. Неугомонному царю требовалось все больше и больше средств, чтобы переустроить страну, реформировать систему управления, строить новую столицу – Санкт-Петербург. Но прежде всего – чтобы воевать. На военные нужды уходило свыше 80 процентов бюджета, который трещал по швам. Выручала водка. А потому она считалась товаром стратегическим, и все с нею связанное было предметом особой государственной важности. Петр хорошо сознавал это и подходил к делу с размахом. Свидетельство тому – организация около 1718 г. в Москве у Каменного (Всехсвятского) моста Большого кружечного двора. Сюда с винокурных заводов свозили водку, которую здесь же в астерии, то бишь кабаке, продавали. Кружечным двор назывался потому, что, радея все-таки о сохранении остатков народной трезвости, власти предписывали продавать спиртное в розлив по кружке на покупателя. На самом деле выходило, конечно, по-другому: пьянство лишь усиливалось. Большой кружечный (или Каменно-мостный питейный) двор и особенно его окрестности быстро превратились в злочное место.

Гораздо строже, чем трезвость населения, власти блюли неприкосновенность винной монополии. Корчемство – самовольная продажа водки – считалось серьезным преступлением. За порядком надзидала Корчемная контора, занимавшая корпус на Винном дворе. По соседству, в Шестивратной башне Каменного моста, как мы помним, помещалась тюрьма для нарушителей-корчемников. И она не пустовала...

Водка оставалась одним из устоев империи и после Петра. Разве что жизнелюбивые императрицы повысили долю расходов бюджета на содержание двора – балы, приемы, наряды, новые дворцы, обделив армию и флот. У Каменного моста на Всехсвятской строительство надолго не замирало. В 1730-х гг. Кружечный двор возвели в камне под руководством зодчих И.А. Мордвинова, И.Ф. Мичурина и Ф.А. Васильева. Через 30 лет новую реконструкцию возглавил Д.В. Ухтомский. Постепенно сложился комплекс складских, служебных и административных помещений в виде каре невысоких каменных корпусов со скупой декорированными фасадами. Главный въезд со стороны Всехсвятской улицы отмечала башня в классическом стиле, построенная, возможно, архитектором С.А. Волковым. Корпуса складов стояли и посреди каре. Винный двор был одним из крупнейших торгово-складских комплексов Москвы. Здесь сосредоточилась также оптовая торговля солью – другим стратегическим товаром, государственная монополия на который наполняла казну. Двор стали называть Винно-соляным. Сюда возили соль из многих мест. Как вспоминал мемуарист XIX в., украинские чумаки на огромных, запряженных волами повозках доставляли ее даже из Крыма.

В 1812 г. Винно-соляной двор чудесным образом не пострадал в огне великого пожара, опустошившего его окрестности. В самый день вступления наполеоновской армии в Москву казаки и полицейские успели уничтожить хранившиеся там запасы. Впоследствии Винно-соляной двор перешел во владение города и использовался для разных нужд. В 1883 г. на той его части, что выходила на угол Всехсвятской улицы и Берсеневской набережной, построили солидное двухэтажное здание Съезда мировых судей. В начале XX в. участок Винно-соляного двора, примыкавший к Болотной набережной Водоотводного канала, был отдан под строительство электростанции московского трамвая. Основные же постройки дожили до второй половины 1920-х гг.

На противоположной, левой стороне Всехсвятской улицы тогда еще стояли старинные здания, напоминавшие о Петровской эпохе. Их строй на углу с Софийской набереж-

ной у самого Большого Каменного моста открывался небольшой купольной полуротондой часовни Святого Николая Чудотворца, принадлежавшей подмосковной Николо-Берлюковской пустыни. Здание, построенное в конце XVIII в., после реконструкции в 1840 г. приобрело черты стиля ампир. Начало же храму было положено в 1700 г., когда у новенького еще Каменного моста появилась деревянная часовня Азовского Предтеченского монастыря. Ее не раз перестраивали, в 1780 г. передали Николо-Берлюковской пустыни, затем в связи со строительством дамбы снесли и возвели заново на другом месте. Главной святыней часовни был список чудотворной иконы на уникальный сюжет «Лобзание Христа Иудой».

По соседству стояло старинное приземистое здание Суконного двора, выстроенное для организованной в 1705 г. по указу Петра I первой в России казенной мануфактуры по выработке «немецких сукон» для обмундирования новой регулярной армии. Ведать предприятием поручили Илье Исаеву «со товарищи». Дело было начато с обычным петровским размахом. Возвели огромное каменное здание, наняли иноземных специалистов, обучили отечественные кадры, согнали сотни работных людей. Петр самолично посещал Суконный двор и носил мундир из выработанной здесь ткани. Но полностью, как предполагалось, обеспечить нужды воюющей армии мануфактура не смогла. Качество сукна оказалось невысоким, и Суконный двор перешел на производство преимущественно каразеи – тонкой подкладочной ткани. Сукно же пришлось по-прежнему импортировать задорого. Наконец, в 1720 г. мануфактура была приватизирована. Казна отдала ее в частные руки, «учиня из купечества компанию добрых и знатных людей», наделив льготами, выдав ссуды и приписав тысячи крестьян. Во главе дела стоял В. Щеголин. Предприятие быстро стало прибыльным, улучшилось и качество продукции. Но успех достался ценой жесточайшей эксплуатации подневольных работников. Снижались расценки, уменьшались заработки, недовольных заковывали в «железо», наказывали плетью. Рабочие, однако, не безмолвствовали, решительно, порой самоотверженно отстаивали свои права. Так, в феврале 1722 г. на Царицыном лугу (нынешняя Болотная площадь) они дерзнули бить челом на хозяев самому Петру I. Произвол на время поутих. Но и впоследствии Суконный двор был местом социальных конфликтов. Рабочие бастовали, даже вступали в схватки с воинскими командами. Зачинщиков беспорядков власти жестоко наказывали, сажали в тюрьмы, высылали на каторгу, но протест не иссякал. Кто не решался бороться – бежал. Ежегодно с Суконного двора совершалось около 40 побегов.

Мануфактура тем не менее расширялась. В 1745–1747 гг. Суконный двор был перестроен, возможно, под руководством опытного зодчего И.Ф. Мичурина. Он получил вид вытянутого вдоль Всехсвятской улицы каре из двухэтажных зданий. Во внутренний двор вели двое ворот: северные – с Москвы-реки и южные, парадные, пышно украшенные в духе барокко – с Царицына луга, традиционного места торжеств и гуляний, а в обычные дни использовавшегося для сушки продукции мануфактуры.

В начале 1771 г. один из рабочих привез на Суконный двор женщину, больную непонятной хворью. Вскоре она умерла. Так начиналось одно из самых страшных бедствий, когда-либо постигавших Москву, – великая чума. Занесенная в Первопрестольную с театра Русско-турецкой войны, моровая язва распространялась из нескольких очагов. В числе основных был Суконный двор с его скученностью и антисанитарией. Уже в марте 1771 г. здесь умерло 130 человек. Власти проглядели опасность, а потом бросились наверх стывать упущенное неумелыми и суровыми карантинными мерами. Фабричные разбежались, разнося заразу. Вскоре вся Москва и ее окрестности оказались во власти чумы. За несколько месяцев умерло до 200 тысяч человек! Пытаясь локализовать эпидемию, власти закрыли город. Начался голод. В Москве хозяйничали страшные «мортусы», набранные из каторжников. Облаченные в просмоленные балахоны, они крючьями вытаскивали из домов умерших и грузили на подводы, а имущество и жилище сжигали. В переполненных карантинах больных

и тех, у которых заподозрили чуму, держали впроголодь, почти не лечили. Отчаявшийся люд московский искал заступничества у чудотворной иконы Боголюбской Божьей Матери, осевшей Варварские ворота Китай-города. Но архиепископ Амвросий распорядился убрать святыню из опасения распространения эпидемии. И тогда вспыхнул бунт. Разъяренная толпа растерзала Амвросия, укрывшегося в Донском монастыре. С большим трудом с помощью артиллерии и военных команд сенатору П.Д. Еропкину удалось подавить восстание. Москва успокоилась, лишь когда по приказу Екатерины II в город с особыми полномочиями и гвардейскими полками прибыл Григорий Орлов, и эпидемия пошла на убыль.

В конце XVIII в. Суконный двор перешел во владение князя Ю.В. Долгорукова. В 1812 г. здание было разорено и выжжено. После изгнания Наполеона мануфактура возобновила производство и работала еще несколько десятилетий. В середине XIX в. Суконный двор надстроили, фасад заново оформили в модном тогда «русском стиле». После прекращения работы фабрики здание было отдано под конторы и квартиры. В 1881 г. здесь находилась редакция популярнейшей газеты «Московский листок» – родоначальницы бульварной прессы в Белокаменной. «Кабацким листком» называла ее интеллигентная публика, но, по словам В.А. Гиляровского, активно сотрудничавшего с ней, она «читалась и в гостиных, и в кабинетах, и в трактирах, и на рынках, и в многочисленных торговых рядах и линиях». Издатель «Московского листка» Н.И. Пастухов славился невероятной энергией, предпринимательской и журналистской хваткой. Так, чтобы привлечь простонародного читателя, он заказывал для газеты бумагу годную на курево. Помимо В.А. Гиляровского сотрудником «Московского листка» был такой популярный в свое время литератор, как Влас Дорошевич. Охотно читала вся Москва и бульварные романы А.М. Пазухина. Редакция жила весело и, по свидетельству того же Гиляровского, «гуливала часто».

У Суконного двора и его окрестностей была известность и другого рода. Со всей Москвы собирались сюда, в Суконные бани, любители попариться, а зимой еще и окунуться в прорубь на реке.



Малый Каменный мост

Завершалась левая сторона Всехсвятской улицы у Водоотводного канала монументальными корпусами Болотного рынка, выстроенного в 1842 г. по проекту М.Д. Быковского. Таким был пейзаж этих мест еще в начале советской эпохи, он изменился неузнаваемо за какие-то десять лет. В 1928 г. на левой стороне Всехсвятской улицы, на углу с Лабазной (ныне влившейся в Болотную площадь), был встроен по проекту В.Н. Юнга пятиэтажный кооперативный дом. Это здание, вероятно, можно считать первым, появившимся после революции на территории, которую ныне занимает район Якиманка. Тем временем была снесена вся правая сторона Всехсвятской улицы, занятая строениями Винно-соляного двора и Съезда мировых судей. На этом месте в 1928–1931 гг. выросла громада 1-го Дома ЦИК –

СНК СССР, больше известного сегодня как Дом на набережной. Его архитектор Б.М. Иофан проектировал и вторую очередь жилого комплекса. Согласно постановлению Совета народных комиссаров СССР от 28 февраля 1932 г. 2-й Дом Советов должен был занять всю левую сторону Всехсвятской улицы и протянуться по Софийской набережной до Фалеевского переулка. Однако строительство так и не началось. Это, впрочем, не спасло старину Всехсвятской, ставшей уже улицей Серафимовича. Здания по ее левой стороне, в том числе Никольская часовня, Суконный двор и Болотный рынок, вскоре были снесены. Здесь через новый Большой и Малый Каменные мосты прошла широкая транспортная магистраль. Пощадили только недавно построенный кооперативный «дом Юнга», несмотря на то что он стоял как раз на пути трассы. Осенью 1937 г. пятиэтажное здание весом 7500 т подняли на домкратах, поставили на катки и по рельсам передвинули на 74 м восточнее. Любопытно, что все это время жители преспокойно оставались дома, могли пользоваться газом, водопроводом, канализацией, электричеством и телефоном, подключенными через гибкую подводку. Операция преподносилась прессой как очередное достижение социалистической реконструкции Москвы. Вся страна следила за происходящим у Каменного моста, а поэтесса Агния Барто отозвалась хрестоматийным стихотворением «Дом переехал».

Сегодняшний облик улицы окончательно сформировался после Великой Отечественной войны. В 1945–1947 гг. в ознаменование 800-летия Москвы по проекту В.И. Долганова и И.Д. Мельчакова на Болотной площади был разбит красивый сквер с монументальным входом.

Казалось бы, старая Всехсвятская канула в Лету, без остатка растворившись в безразмерном пространстве улицы Серафимовича. Но если приглядеться к строгому фасаду Дома правительства, можно заметить его изгиб, не объяснимый никакой архитектурной логикой. Просто здание строилось еще на старой, изогнутой Всехсвятской улице, сообразуясь с ее поворотом. Такое вот необычное напоминание о давно минувшем.

Верхние Садовники. Стрелка

Всехсвятская – улица Серафимовича проходит по исторической границе между древними Садовыми слободами. По левую руку – Средние Садовники, по правую – Верхние, куда и лежит наш путь...

Гигантское, словно горный кряж, серое здание протянулось вдоль всей улицы Серафимовича. Это самый большой жилой дом района Якиманка. Его главный, парадный, фасад выходит на Москву-реку. Здание это знаменито во всем мире. Домом на набережной окрестил его Юрий Трифонов в одноименной повести. Образ этот, растиражированный во множестве книг, статей и кинофильмов, стал образом целой эпохи. Дом-символ, дом-ковчег, вместивший в себя бесчисленное множество судеб, событий, легенд и тайн, серой скалой застыл на берегу реки Времени.

...1926 год. Отгремела Гражданская война, большевики прочно утвердились во власти, но раздуть пожар мировой революции не смогли. Пришлось строить социализм в «отдельно взятой стране», крепить диктатуру пролетариата. А это, кроме всего прочего, означало наращивание парт- и госаппарата, создание для него привилегированных условий жизни. Времена революционного аскетизма уходили в прошлое. Ответственному работнику для полноценной работы нужен полноценный быт – таков был теперь лозунг дня. Ему уже не отвечало скромное жилище в так называемых Домах Советов, под которые были приспособлены бывшие гостиницы, доходные дома, некоторые кремлевские корпуса и даже здание Духовной семинарии. К тому же в нэпманскую Москву потянулись иностранцы – бизнесмены и туристы, обладатели так нужной Советской России валюты. Для них предполагалось вновь открыть лучшие гостиницы. 1-й и 2-й Дома Советов должны были снова стать «Националем» и «Метрополем». Их номенклатурному населению предстояло найти другое жилье – просторное и комфортное. И вот советское правительство принимает решение о строительстве в Москве «Жилого Дома Советов ЦИК – СНК СССР». Делу придавалось особое государственное значение. В правительственную комиссию по строительству дома, созданную по распоряжению самого предсовнаркома А.И. Рыкова в 1927 г., вошли видные большевики А.С. Енукидзе, Н.П. Горбунов. Был в ней и Генрих Ягода: органам поручалось охранять будущий жилой комплекс, а заодно и «опекать» его обитателей. Вошел в комиссию и молодой, но уже известный архитектор Борис Иофан. Вместе с братом Дмитрием он начал работу над проектом здания.

Борис Михайлович Иофан к тому времени имел богатую жизненную и творческую биографию. Родился в Одессе в 1891 г., окончил художественное училище, отслужил в армии, работал в Петербурге помощником разных архитекторов. Но впервые заявил о себе в Москве. Он помогал А. Таманю при строительстве дома князя Щербатова на Новинском бульваре, признанного лучшей архитектурной премьерой 1914 г. Затем Иофан надолго уезжает на «родину искусств» – в Италию. В 1916 г. он оканчивает архитектурное отделение Королевского института изящных искусств в Риме, затем проходит курс в инженерной школе при Римском университете. В Италии начинается самостоятельная творческая деятельность зодчего. Он много проектирует и строит. Высокую оценку получает его проект посольства СССР в Риме. Человек левых убеждений, Б.М. Иофан в 1921 г. вступает в Итальянскую компартию. Активной коммунисткой была и его жена Ольга Фабрициевна Огарева, в жилах которой текла голубая кровь итальянских герцогов Руффо и русских князей Мещерских. Б.М. Иофан живо интересовался всем происходившим на родине. Так, откликаясь на сообщения о голоде в Поволжье, он продал библиотеку, чтобы выслать средства в Россию. Постепенно вызревало решение о возвращении. Окончательно утвердиться в нем

побудили приход к власти в Италии фашистов Муссолини и приглашение работать в СССР, сделанное предсовнаркома А.И. Рыковым.

В 1924 г. Иофан возвращается на родину и сразу окунается в работу. Его первые постройки в Советском Союзе – рабочие поселки при Штеровской электростанции в Донбассе и на Русаковской улице в Москве. Затем последовали комплекс Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева и знаменитый впоследствии правительственный санаторий «Барвиха». И вот настала очередь Дома ЦИК – СНК СССР...

Факт почти неизвестный даже специалистам – первоначально под строительство определили квартал между Моховой, Воздвиженкой и Ваганьковским переулком, где впоследствии поднялись корпуса Ленинской библиотеки. Проект предусматривал возведение здесь семиэтажного дома на 400 квартир. Но ситуация изменилась. Летом 1927 г. комиссия постановила – строить за Москвой-рекой, у Большого Каменного моста на месте сносимых сооружений Винно-соляного двора. Все решения по Дому ЦИК – СНК СССР принимались сугубо секретно. Проект Иофана на конкурс не выставлялся, вопреки общепринятой тогда практике. Правда, его рассматривала авторитетная комиссия специалистов, в которую входили А.Д. Цюрупа, Г.М. Людвиг, А.Ф. Лолейт, Г.Б. Красин, И.И. Рерберг, А.С. Веснин и др. Пресса сообщила о строительстве только в 1928 г., когда работы уже шли вовсю. Они продолжались до 1931 г. (а некоторые и до 1935 г.) и обошлись голодавшей стране в огромную по тем временам сумму: почти 30 млн рублей!

Чтобы циклопическое сооружение прочно стояло на зыбких грунтах замоскворецкого Болота, пришлось вбить 3500 железобетонных свай. На стройплощадке впервые в Москве применялись многие механизмы, в основном импортные. Через Водоотводный канал была перекинута канатная дорога для подачи песка и гравия. С рабочей силой проблем не возникало – на бирже труда стояли тогда многие москвичи, из деревень шел поток убежавших от коллективизации крестьян. На Хитровке можно было лицезреть мирно дремавших под навесом в ожидании работодателя будущих строителей столицы социализма. На их босых ступнях, как у покойников в морге, синим химическим карандашом были начертаны цифры – запрашиваемая плата и слова – «Зря не будить».

Когда строительные леса с дома были наконец сняты, москвичей поразил масштаб сооружения – самого большого жилого здания не только тогдашней Москвы, но и всей Европы. 505-квартирный гигант поднялся над низеньким Замоскворечьем на высоту 10–12 этажей. Компактная композиция корпусов, размещенных по периметру трех внутренних дворов, скупо оформленные фасады, жесткий ступенчатый силуэт – все это придало зданию сходство с неприступной цитаделью, взирающей свысока на крикливо-пеструю матушку Москву. Первоначально предполагалось обработать стены розовой гранитной крошкой в тон Кремля. Но это оказалось слишком дорого. Отвергнута была и идея «высветлить» дом, добавляя в штукатурку желтый подольский песок – побоялись, что гарь из труб соседней электростанции закоптит фасады. В конце концов здание выкрасили в мрачноватый серый цвет. Архитектура дома, строившегося в годы «великого перелома», удивительно точно отразила суть исторического момента. Логичная и ясная, она еще сохранила черты конструктивизма, революционно-демократический дух ранних советских лет. Но монументальный речной фасад с величавыми фланкирующими башнями и пилонным портиком – предвестник иной эпохи – сталинской империи, «Большого стиля». В одном из своих очерков О. Мандельштам, вскользь упомянув Дом правительства, назвал его «пирамидальным». И это едва ли случайно, если вспомнить, что в пирамидах поэт видел архитектуру враждебную человеку, питающую свое величие его ничтожеством. Ощутить себя песчинками у подножия колосса империи пришлось и обитателям Дома на набережной. Но пока они вселялись в новые квартиры... Строгие, почти аскетические фасады дома скрывали комфортабельные апартаменты. Для тогдашней Москвы, терзаемой коммунальным кризисом, здешние усло-

вия казались земным раем. Квартир в 1–2 комнаты в доме было немного, в основном 3 – 4-комнатные. В самых же престижных подъездах № 1 и 12 с окнами на реку разместились 5 – 7-комнатные апартаменты площадью 200 кв. м и более. Высота потолков во всех квартирах – 3,7 м. В то время, когда даже Кремль отапливался печами, а вся Москва готовила на керосинках, в Доме ЦИК – СНК оборудовали центральное отопление и установили газовые плиты. В каждой квартире был телефон. Лифты, мусоропроводы, встроенные шкафы, холодильники, дубовый паркет, зеркальные двери, отделка стен «под шелк»... Была отдана дань и модным идеям стандартизации и коллективизации быта. Отсюда – одинаковая для большинства квартир добротная мебель, сконструированная самим Иофаном, крохотные кухни в прихожих, зато большая общая столовая. Комплекс строился по принципу жилкомбината с высокой степенью автономности. Здесь почти все было свое – продовольственный и промтоварный магазины, почта, сберкасса, парикмахерская, прачечная, медпункт. Плюс к этому – огромный клуб имени Рыкова (позднее имени Калинина, сейчас – Театр эстрады) с залом на тысячу мест, спортивные залы, солярий, теннисный корт и, конечно, крупнейший тогда в столице кинотеатр «Ударник».

Немногим известно, что комплекс должен был расти и дальше. Предполагалось построить детский сад на месте храма Николая Чудотворца на Берсеневке. А на другой стороне улицы Серафимовича, как уже было сказано, планировалось возведение огромного, на целый квартал, второго жилого комплекса для парт- и госаппарата. К счастью, эти замыслы, грозившие изменить весь исторический пейзаж окрестностей, не осуществились.

Что же касается построенного дома ЦИК – СНК, то он явил стране новые стандарты качества архитектуры, строительства и комфорта, став воплощением великой советской мечты. Ведь предполагалось, что в подобных условиях вскоре будут жить «все трудящиеся».

Утопия, однако, таковой и осталась. Да и обитателям дома было не до спокойной, благополучной жизни. Загруженные работой, часто перебрасывавшиеся с одного места службы на другое, они редко успевали обжиться в этих стенах. Дом больше напоминал ведомственную гостиницу высокого класса. А вскоре стал походить и на преддверие бездны. Нигде политические чистки 1930 – 1950-х гг. не оставили столь глубоких ран, как здесь: около 800 репрессированных, из них свыше 300 расстрелянных!

Как сообщает в своей книге «Дом на набережной. Люди и судьбы» скрупулезный исследователь темы Татьяна Шмидт, первые аресты начались вскоре после заселения здания. В 1932 г. органы взяли молодых людей Вадима Осинского и Андрея Свердлова, которых, впрочем, вскоре отпустили. За «первопроходцами» последовали сотни и сотни. Если в 1936 г. были арестованы не менее 19 жителей дома, то в следующем, 1937 г., по данным книги, лишились свободы уже 308. Из них 104 расстреляно. Год 1938-й – 147 арестов, 144 расстрела. Большой террор, достигнув пика, пошел на спад, но репрессии в доме не прекращались до 1950-х гг. Их жертвами становились люди, вошедшие в историю, о которых знала вся страна. Среди них преемник Ленина на посту главы советского правительства А.И. Рыков, зампреда Совета министров СССР Н.А. Вознесенский, высокопоставленные партийные деятели П.П. Постышев, В.Я. Чубарь, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев, военачальники В.К. Блюхер, М.Н. Тухачевский, А.И. Корк, И.С. Кутяков, И.Ф. Федько... В «расстрельных списках» дома – 38 женщин, в большинстве своем «членов семей врагов народа». Многие обитатели комфортных квартир попали в лагерные бараки, прошли все адские круги ГУЛАГа. Детей отправляли в детприемники и детские дома. Под колесо террора попали и те, кто его запускать, – чекисты Я.Х. Петерс, В.Н. Меркулов, Б.Х. Кобулов. Они также были жителями дома. Недолго прописан здесь был и Л.П. Берия.

Репрессии убивали физически, калечили морально. Ночные аресты, исчезновение соседей, опечатанные квартиры целых подъездов, всеобщая подозрительность, слежка, слухи о потайных комнатах, из которых осуществлялась прослушка, – все это создавало

в доме гнетущую атмосферу. «Очень тяжело стало работать, да и жить. Чувствую, мне не доверяют, и я сам заразился подозрительностью, никому не верю», – изливал душу другу заместитель наркома обороны флагман 1-го ранга В.М. Орлов, вскоре арестованный. Тем не менее было немало примеров жизненной и духовной стойкости, взаимопомощи, мужества в отстаивании своей позиции. Так, в 1938 г. жители дома Д.П. Павлов, П.С. Аллилуев (свояк Сталина) были в числе подписавших «Письмо четырех» против репрессий в Красной армии.

Потом грянула война. Около 500 жителей дома побывали на фронте. Четверть из них погибла. Среди них И.Р. Апанасенко – один из трех генералов армии, павших во время Великой Отечественной войны, Л.Г. Петровский – сын «всеукраинского старосты» Григория Петровского, в честь которого назван город Днепропетровск, Рубен Ибаррури – сын легендарной испанской Пассионарии... Дом, расположенный рядом с Кремлем, бомбила немецкая авиация. Две большие фугаски разорвались у 19-го и 24-го подъездов, повредив фасад, перебив окна. С крыши по вражеским самолетам била пулеметная установка. Многие жители состояли в дружине ПВО. Когда гитлеровцы подступили вплотную к Москве, дом выселили и заминировали. Он считался особо важным объектом. В военные годы дом оказался причастен к появлению музыкальных символов эпохи. Здесь тогда жил композитор А.В. Александров, автор легендарной «Священной войны» и Гимна Советского Союза (теперь России).

В послевоенные годы дом постепенно терял свой элитный блеск. В нем появилось много коммуналок. Одно время его население вместо расчетных 2700 жителей достигло 6000. Лишь капитальный ремонт на рубеже 1970 – 1980-х гг., инициированный местной общественностью во главе с парторгом, легендарным летчиком Н.П. Каманиным, возродил дом. Сегодня он по-прежнему считается одним из самых престижных в столице.

Через судьбы своих жителей Дом на набережной связан почти со всеми значимыми событиями и явлениями XX века. В разное время здесь квартировали государственные и партийные деятели, революционеры – А.И. Рыков, Н.С. Хрущев, А.Н. Косыгин, А.А. Громыко, Н.К. Байбаков, Н.А. Вознесенский, Р.С. Землячка, Л.П. Берия, А.Я. Пельше, Н.В. Подгорный, П.П. Постышев, М.З. Сабуров, Н.М. Шверник, Г.М. Димитров, О.В. Куусинен. В доме жили сын Сталина Василий и дочь Светлана, члены семьи Аллилуевых, приближенные вождя, его личные секретари И.П. Товстуха, А.И. Поскребышев, Л.З. Мехлис.

В богатейшей военной истории здания – крупнейшие советские полководцы и флотоводцы – 16 маршалов, в том числе Г.К. Жуков, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, Н.Н. Воронов, И.Х. Баграмян, Ф.И. Толбухин, М.Н. Тухачевский, адмиралы Н.Г. Кузнецов, И.С. Исаков, А.Г. Головкин... Дом на набережной – памятное место в истории отечественной авиации. Здесь жили главкомы ВВС П.И. Баранов, Я.И. Алкснис, А.Д. Локтионов, Я.В. Смушкевич, П.Ф. Жигарев, А.А. Новиков, П.В. Рычагов, летная элита СССР – К.А. Вершинин, И.И. Борзов, М.С. Бабушкин, М.В. Водопьянов, Н.П. Каманин... С жителями дома – И. Халепским, Д. Павловым, Я. Федоренко и др. – связано становление советских бронетанковых войск. Здесь жила в юности Ирина Левченко – Герой Советского Союза, первая в мире женщина-танкист, дочь репрессированного. Военно-морская биография сухопутного дома не менее впечатляюща. В ней имена М.В. Викторова, В.М. Орлова, Р.А. Муклевича, И.С. Юмашева, Н.А. Васильева, Л.П. Варганына... Среди жителей Дома на набережной были выдающиеся военные теоретики, предсказавшие основные черты Второй мировой, – В.К. Триандафиллов и Г.С. Иссерсон. Дипломатическая страница летописи здания – это главы советского внешнеполитического ведомства М.М. Литвинов и А.А. Громыко. Стоит вспомнить легендарных наркомов и министров – И.Ф. Тевосьяна, А.И. Шахурина, П.П. Ширшова, Д.В. Ефремова, И.А. Лихачева... В доме жили 35 Героев Советского Союза – больше, чем в каком-либо другом, 35 академиков, среди которых медики Н.Н. Блохин, В.И. Бураковский, В.И. Шумаков, авиаконструктор А.И. Микоян, ракетостроитель В.П. Глушко, историк Е.В. Тарле и даже пресловутый Т.Д. Лысенко. Писательский список Дома на набережной читается как

оглавление школьной хрестоматии: Александр Серафимович, Демьян Бедный, Борис Лавренев, Михаил Кольцов, Николай Тихонов, Александр Корнейчук, Юрий Трифонов, Анатолий Рыбаков, Чингиз Айтматов, Юлиан Семенов, Михаил Шатров... Среди здешних жителей были такие звезды мирового искусства, как балетмейстер Игорь Моисеев, певица Белла Руденко, режиссер Наталия Сац...



Дом правительства, или Дом на набережной

Фасады Дома на набережной украшают 29 мемориальных досок. Это абсолютный общероссийский рекорд, а быть может, и мировой! Еще восемь памятных табличек установлено в подъездах здания. Впрочем, чтобы увековечить все значимые имена, на стенах здания не хватило бы места.

Среди мемориальных досок на фасаде есть и посвященная создателю дома архитектору Б.М. Иофану. Он тоже поселился здесь с супругой Ольгой Фабрициевной, дочерью Ольгеттой и сыном Борисом. И прожил до конца жизни. Из окна квартиры-мастерской на верхнем этаже ныне открывается изумительный вид на воссозданный храм Христа Спасителя. В предвоенные годы на его месте началось строительство «главного здания страны» – Дворца Советов по проекту Б.М. Иофана, В.Г. Гельфрейха и В.А. Щуко. В 1937 г. зодчий строит знаменитый павильон СССР на Всемирной выставке в Париже. Именно Иофан предложил увенчать здание парной скульптурой по образцу произведения древнегреческого ваятеля Антенора «Тираноборцы Гармодий и Аристокитон». Замысел воплотила Вера Мухина, преобразив борцов с тиранией во всем известных «Рабочего и колхозницу». В 1930 – 1940-х гг. Иофан был архитектором номер один Советского Союза. Ему доверяли проектировать самые престижные объекты. Если бы грандиозные замыслы зодчего полностью осуществились, мы бы сейчас жили в Москве Иофана. Но так не получилось. Циклопическая 420-метровая башня Дворца Советов не была возведена, строительство второй очереди правительственного жилого комплекса отменили, иофановский проект высотного здания МГУ на Ленинских горах тоже оказался нереализованным... Самым значительным произведением мастера так и остался Дом на набережной.

Пожалуй, наиболее выразительная часть комплекса – кинотеатр «Ударник», тогда крупнейший и лучший в столице. Зал с первоначальной вместимостью 1500 мест перекрывает свод-купол с пролетом 30 м. Крыша могла раздвигаться, открывая небо. Впоследствии, правда, сложный механизм вышел из строя, и при очередной реконструкции его демонтировали. Долгое время «Ударник» считался главным экраном страны. Первый сеанс состоялся 7 ноября 1931 г. Был показан первый советский звуковой фильм «Златые горы» режиссера С. Юткевича. С «Ударником» связана вся история «золотого века» отечественного кинематографа. «Чапаев», «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Трактористы», «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» (первый советский лауреат премии «Оскар») –

премьерные показы этих и других классических фильмов проходили здесь. В «Ударнике» в 1935 г. состоялся первый Московский международный кинофестиваль. В послевоенные годы кинотеатр стал одной из основных площадок ММКФ. В лучшие времена зал был всегда полон, в фойе играли оркестры, выступали известные артисты, работал прекрасный буфет. Увы, сейчас в «Ударнике» кино не показывают, его будущее туманно...

Зато нередко аншлаги в Театре эстрады, шестипилонный портик которого выходит на Москву-реку. Изначально это был клуб Дома ЦИК – СНК с залом на 1000 мест, носивший имя предсовнаркома СССР А.И. Рыкова. Но «верный ленинец» вскоре превратился в «правого уклониста», а потом и во «врага народа». Клубу присвоили новое имя, тоже живого человека, «всесоюзного старосты» М.И. Калинина. Здесь работали кружки и секции для жителей дома, ставил спектакли Новый театр под руководством Федора Каверина. В 1934 г. зал был передан детскому кинотеатру. В 1930-х гг. здесь разместился клуб Совета министров и Верховного Совета СССР. Только в 1961 г. в эти стены переехал Театр эстрады. Он стал одной из популярных концертных и сценических площадок Москвы. Много лет театром руководил известнейший конферансье Борис Брунов. В 2003 г. в фойе ему был установлен памятник. Сейчас во главе театра – Геннадий Хазанов, кстати, житель Дома на набережной.

Если встать лицом к речному фасаду здания, то по обе стороны от портика можно заметить проезды во внутренний двор. Заглянем в тот, что слева, чтобы познакомиться с еще одной уникальной достопримечательностью легендарного здания. Здесь рядом с подъездом № 1 находится музей «Дом на набережной». Замысел его создания возник в годы перестройки и гласности, когда переосмысление советского прошлого воспринималось как актуальнейшая потребность пробуждающегося общества. До этого история номенклатурного дома была темой, закрытой для исследования. И открыли ее сами жители. Одна из старожилов дома, 81-летняя Т.А. Тер-Егизарян вместе со своими единомышленниками В.В. Лепешинским, Е.С. Перепечко, Т.И. Шмидт, И.Н. Лобановой, В.Б. Волиной и др. в 1989 г. предложила создать музей. Их поддержали пресса и соседи с известными именами и общественным весом, такие как артист Алексей Баталов, писатель Анатолий Рыбаков, драматург Михаил Шатров. Музей открылся в ноябре того же года. Экспозиция постоянно пополнялась подарками жителей. Они приносили предметы быта, семейные реликвии, документы и фотографии. Параллельно шла работа в архивах и библиотеках. Музей быстро приобрел известность, стал достаточно популярен, наладил лекционную и экскурсионную деятельность. В нем проводились встречи, семинары, вечера памяти. 7 апреля 1998 г. решением правительства Москвы музей «Дом на набережной» получил статус муниципального краеведческого. Его первый директор Т.А. Тер-Егизарян, отметив свое 90-летие, передала руководство О.Р. Трифионовой – писательнице и вдове знаменитого писателя.



Берсеневская набережная

История дома между тем продолжается. Его никак не назовешь саркофагом остывшей памяти и иссякшей пассионарности ушедшей эпохи. Здесь и сейчас живут люди, определяющие лицо и дух времени.

Громкое имя – Дом на набережной – общеизвестно, но какая набережная имеется в виду, знают далеко не все. Ее название – **Берсенеvская**. И это один из самых колоритных и любопытных уголков Москвы. Достаточно сказать, что на менее чем километровом протяжении скромной по виду набережной сосредоточены памятники шести столетий!

В древности местность эту называли Песками. Здесь вдоль правого низменного берега Москвы-реки тянулись песчаные дюны, кое-где редко поросшие соснами. Вокруг простирались болота, старицы, мокрые луга, по весне затоплявшиеся талыми водами. Лет шестьсот назад на островке, «на песку», среди зыбкой поймы возник маленький монастырь во имя Николы Чудотворца с деревянным храмом. В летописях же о церкви впервые упоминается только под конец XV в. Тогда от Николы на Песку начался пожар Москвы 1475 г. Вскоре великий князь Иван III повелел устроить за Москвой-рекой огромный плодовый сад. Здесь же селились слободами государевы садовники.

Видимо, в XVI столетии в московском лексиконе появилось и другое название местности – Берсени, или Берсенеvка, постепенно вытеснившее прежнее – Пески. Берсени были частью Верхних Садовников. Возможно, отсюда и одно из объяснений колоритного названия. Якобы здесь, в Государевом саду, в обилии произрастал крыжовник – берсень. Есть и другая версия. «На песку» некогда располагалось владение великокняжеского боярина Ивана Никитича Беклемишева по прозвищу Берсень. Ему же вменялось в обязанность ведать здешней уличной заставой – Берсенеvской решеткой, одной из тех, которыми перегораживали по ночам улицы города из опасения разбоев и поджогов. Один из предков Ивана Никитича служил еще Дмитрию Донскому, участвовал в сооружении белокаменного Кремля. Одна из кремлевских башен и поныне зовется Беклемишевской. Сам Иван Берсень был личностью незаурядной. Он слыл искусным дипломатом, любил книжную премудрость, переписывался с Максимом Греком. Родовитый аристократ, Иван Никитич грезил прошлым, когда великие князья вершили дела по советам «бояр старейших». Человек непокорного колючего нрава, за что, вероятно, и прозванный Берсением, он не раз перечил Василию III, отстаивая свою боярскую правду. Но времена уже изменились. Великий князь, исподволь утверждавший самодержавие, не желал мириться с оппозиционными умонастроениями. Берсень-Беклемишев попал в опалу, а в 1525 г. и вовсе был обезглавлен на льду Москвы-реки.

Берсенеvка, расположенная всего в полуверсте от Кремля, но на отшибе, за рекой, вне главных улиц, всегда была московским затишьем. Городская суэта мало проникала сюда, даже когда рядом построили Большой Каменный мост, а в окрестностях стали появляться крупные промышленные и торговые предприятия. В 1812 г. Берсенеvка выгорела дотла, за исключением Винно-соляного двора. На исходе XIX в. была обустроена набережная в виде земляных откосов, укрепленных у подошвы дубовыми сваями и обложенных булыжником. Современные подпорные стенки с облицовкой из серого и розового гранита сооружены уже в советское время – в 1930-х гг.

У подножия Дома на набережной – причал речных трамвайчиков «Каменный мост». Почти вплотную к нему примыкает странный выступ в подпорной стенке с серой будкой наверху. Он гораздо старше и причала, и самой гранитной набережной. Это водозабор первой московской Трамвайной электростанции, построенной в начале XX в. К ее внушительным корпусам мы подойдем позднее, через несколько сотен метров. А пока нас ждут другие впечатления...

Широкая парадная Берсенеvская набережная, миновав внушительный фасад Дома правительства, вдруг резко меняет облик – спускается ниже к реке, становится узкой и тесной,

как переулочек в старинном провинциальном городке. Всего несколько шагов – и из Москвы советской попадаешь в старую Москву – Престольную, Белокаменную, Златоглавую. Здесь, на Берсенях, под боком сурового Дома на набережной, чудом сохранился один из ее райских островков – ансамбль палат Аверкия Кириллова и церкви Святого Николая Чудотворца. Такое соседство едва не обернулось для старины гибелью. Как уже было сказано, в начале 1930-х гг. Б.М. Иофан предложил снести храм и палаты, чтобы построить на их месте детский сад и ясли для 1-го Дома ЦИК – СНК СССР. Замоскворецкий райком партии поддержал архитектора, ревнители же культуры, вкуче с организациями, квартировавшими в древних зданиях, выступили против. Легко догадаться, кто победил бы в споре, если бы власти не приняли решение строить поблизости вторую очередь правительственного жилого комплекса, где и разместить детсад и ясли. Стройка так и не началась, детям же нашли помещения в самом Доме на набережной. За всей этой плановой и бюрократической чехардой берсенеvские древности уцелели...



Палаты Аверкия Кириллова

Палаты Аверкия Кириллова, как и положено главному дому старомосковской усадьбы, смотрят на Москву-реку из глубины двора, осененного вековыми деревьями. Фасад здания живописен и обманчив. На вид это сочное, несколько наивное раннепетровское барокко – симметричная композиция, высокий, очень выразительный аттик, обрамленный завитками-волютами и украшенный лепными гирляндами из фруктов и цветов, раковины в полуциркульных завершениях наличников окон. Однако парадный фасад начала XVIII в. таит стены гораздо более древние. Палаты на Берсеневской набережной, 18 – старейшее здание района Якиманка и одна из самых ранних гражданских построек Москвы в целом. В подклети известный реставратор Г.И. Алферова обнаружила фрагменты, относящиеся к рубежу XV–XVI вв. Эти белокаменные палаты, возможно, принадлежали уже знакомому нам И.Н. Берсеню-Беклемишеву и после опалы и казни крамольника были взяты в казну. Ранняя история здания окутана легендами. Исстари москвичи называли его палатами Малюты Скуратова, искали здесь пыточные застенки, потайные ходы в Кремль. И по сей день особо упорные энтузиасты не отчаялись обнаружить здесь следы легендарной Либереи – библиотеки Ивана Грозного. Большинство же москвоведов считают, что усадьба Малюты находилась на противоположном берегу Москвы-реки, в приходе храма Похвалы Богородицы, где и была обнаружена его надгробная плита. Среди владельцев палат на Берсеневке называют также царского садовника Кирилла, заведовавшего близлежащим Государевым садом и Садовыми слободами. Его внук Аверкий Стефанович Кириллов считается первым достоверным владельцем усадьбы. Это была крупная и неординарная личность – «олигарх XVII столетия». Потомственный царский садовник и при этом богатейший купец-«гость», Аверкий Кириллов владел соляными варницами, вел обширную торговлю. Такие оборотистые и грамот-

ные люди нередко привлекались к важным государственным делам. Аверкий Кириллов был пожалован высоким чином думного дьяка, заседал в Боярской думе. Ему доверяли руководство важнейшими приказами, отвечавшими за финансово-экономическое благополучие державы.

Богатый, влиятельный, но неродовитый чиновник, вероятно, очень пекся о своем престиже среди московской знати. Это, возможно, и объясняет размах и роскошь, с которыми он обустроивал собственную усадьбу на Берсеневке. В 1656–1657 гг. над старинным белокаменным подклетом возводится из кирпича еще один этаж со сводчатыми палатами и деревянными теремами над ними, пристраивается шатровое красное крыльцо. Внешнее убранство здания было богатым и затейливым. Его детали – фигурные наличники окон, наборные карнизы – можно увидеть на боковом и заднем фасадах дома. Сохранилась и часть красного крыльца слева от центрального ризалита. Украшением здания явились прекрасные изразцы сине-белых тонов с изображением двуглавого орла – знака высокого государственного статуса хозяина, его приближенности ко двору. Главным парадным залом дома служила крестовая палата. В замке ее свода заложен камень с изображением креста и вырезанной вокруг него надписью: «Написан сий святой и животворящий крест в лета 7165 (1657) году тогож лета и палата та посправлена». Интерьеры дома, который один из заезжих иноземцев назвал «лучшим во всей Москве», удивляли роскошью и необычными для старомосковского быта новшествами. В окнах сверкали немецкие витражи, стены украшали картины и ковры, в залах стояла красивая мебель: шкафы, столы, стулья. К дому примыкал прекрасный сад. Аверкий Кириллов заново отстроил соседнюю церковь Святой Троицы и соединил ее крытым переходом со своими палатами. В своей судьбе хозяин жил широко, открыто, явно не по Домострою, а как светский человек наступающего Нового времени...

Увы, в этом Эдеме спокойно дожить свой век Аверкий Кириллов не смог. 16 мая 1682 г., на второй день знаменитого московского восстания, мятежные стрельцы добились выдачи думного дьяка и тотчас же в Кремле расправились с ним, объяснив это тем, что тот якобы «со всех чинов людей велики взятки имал и налогу всякую и неправду чинил». Став жертвой общественно-политических коллизий, Аверкий Кириллов разделил судьбу многих обитателей Берсеневки – от боярина Ивана Беклемишева до высокопоставленных жителей Дома на набережной.

Убиенного похоронили при церкви Святой Троицы. Вскоре там же упокоилась и его вдова. Усадьбу унаследовал сын Аверкия Яков, тоже «гость» и думный дьяк, а после смерти – вдова его Ирина. Ее второй муж, известный деятель петровского времени, дьяк Оружейной палаты А.Ф. Курбатов, в начале XVIII в. перестроил палаты на Берсеневке. Именно тогда они приобрели облик, который в основном сохранился до наших дней. Вместо деревянных теремов появился каменный верхний этаж, парадный фасад приобрел симметричную композицию и богатую отделку в стиле барокко. Творение его выдает руку маститого зодчего. Предполагается, что им мог быть Михаил Чоглоков, строивший в Кремле Арсенал под смотрением того же Курбатова. Называют также имена других архитекторов – Ивана Зарудного, Доменико Трезини, Доменико Фонтаны.

Последним частным владельцем усадьбы был надворный советник А. Зиновьев. Затем здесь квартировали различные казенные учреждения: контора Камер-коллегии, Корчемная и Межевая канцелярии и т. д. Долгое время в палатах размещалась команда курьеров московских департаментов Сената. Москвичи называли древнее здание Курьерским домом. Палаты ремонтировались и в XVIII в. под надзором архитектора князя Д. Ухтомского и в XIX в. А. Назаровым, но постепенно ветшали.

Достойное применение им нашлось лишь в 1870 г., когда в них вселилось Московское императорское археологическое общество. Сухое академическое название лишь отчасти отражало суть этой почтенной организации. Созданная в годы общественного подь-

ема, «великих реформ», она объединила широкий круг просвещенных людей, убежденных в необходимости скрупулезного изучения прошлого России для понимания ее настоящего и предназначения будущего. Среди многочисленных членов общества, действовавшего первоначально под руководством А.С. Уварова, были выдающиеся историки М.П. Погодин, С.М. Соловьев, И.Е. Забелин, В.О. Ключевский, художник И.С. Остроухов, архитекторы Ф.Ф. Горностаев, И.П. Машков, писатели Д.В. Мамин-Сибиряк, П.И. Мельников-Печерский... Естественно, большое внимание уделялось археологии, но также и изучению письменных источников, памятников архитектуры. В 1909 г. при обществе была создана Комиссия по изучению старой Москвы – первый центр московедческих исследований. Сначала в нее вошло всего несколько человек, но впоследствии число членов достигло нескольких сотен. В работе комиссии принимали участие А.А. Бахрушин, С.К. Богоявленский, П.В. Сытин, В.А. Гиляровский, А.В. Чаянов, В.В. Згура...



Купола церкви Святого Николая Чудотворца на Берсеневской набережной

Московское археологическое общество благополучно дожило до советского времени и было закрыто в 1923 г., но древние палаты на Берсеневке продолжили свое служение культуре и науке. Второй этаж заняли Центральные государственные реставрационные мастерские. Внизу разместился Институт по изучению языков, и востоковеды покинули здание, и в нем на много лет поселился обслуживающий персонал Дома правительства. Затем в палаты Аверкия Кириллова въехал Научно-исследовательский институт культуры. Сейчас здесь НИИ культуры.

Всего несколько метров неширокого прохода отделяют палаты Аверкия Кириллова от церкви Святого Николая Чудотворца на Берсеневке. Храм – одно из чудес старой Москвы, благодаря которым она и по сей день зовется Златоглавой. Его сравнивают с расписной народной игрушкой, называют хрестоматийным образцом «дивного узорочья» XVII в. Поднятый на высокий подклет, он увенчан традиционной горкой кокошников, одной световой и четырьмя глухими главами. Шестая и седьмая главки возвышаются над боковыми приделами. Северный фасад украшает паперть с фигурным крыльцом. Декоративное убранство храма исключительно выразительно: аркатурно-колончатый «шнурованный» пояс на барабанах глав, угловые полуколонки, сказочного рисунка «корунные» наличники окон, многоцветные изразцы с двуглавыми орлами, подобные тем, что украшают палаты Аверкия Кириллова. К основному объему церкви примыкает не столь выразительная трапезная начала XIX в. Она выглядит чужеродным элементом композиции без возвышавшейся до 1930-х гг. перед ней 42-метровой колокольни, которая, словно мачта, осеняла церковный «корабль». Ныне колокола звонят со скромной деревянной звонницы в саду.

О том, когда здесь впервые появился храм, существуют лишь предположения. В летописи под 1475 г. сообщается: «...загореся за рекою на Москве близ церкви святаго Николы,

зовомой Борисова, и погоре дворов много, и церковь та сгоре». Возможно, речь идет о деревянном храме «на Песку». Высказывается и версия, что именно здесь, «на Болоте», располагался Никольский монастырь, в котором томился митрополит Филипп, сведенный с кафедры за обличения жестокостей Ивана Грозного.

Первое определенное известие о храме относится к 1624 г. В Окладной книге он значится как «Великий чудотворец Никола за Берсеневою решеткой». Каменное здание церкви, дошедшее до наших дней, было выстроено в 1656–1657 гг. иждивением прихожан, а главным образом самого состоятельного и щедрого из них – Аверкия Кириллова. Он соединил храм переходом со своими обновленными палатами, пожертвовал ему землю под кладбище, несколько изб для причта и ценную утварь. Главный церковный престол был освящен во имя праздника Пресвятой Троицы. Никольским остался лишь придел. Тем не менее в обиходе храм по традиции именовали Николой на Берсеневке. Так же значился он на планах Москвы и в официальных документах.

Ктитор храма Аверкий Кириллов и его вдова упокоились под северным притвором церкви. При наследниках думного дьяка в 1694 г. был построен придел иконы Казанской Богоматери вместо Никольского. Тогда же ближе к берегу Москвы-реки возвели каменные Набережные палаты с надвратной колокольней, в которых разместились богадельня и причт. В 1695 г. для церковной звонницы мастер Иван Моторин отлил большой 1200-пудовый колокол. В XVIII в. храм несколько раз подновлялся. В 1755 г. был восстановлен Никольский придел, а в 1775 г. построена новая трапезная.

Когда в 1812 г. к Москве подступила армия Наполеона, драгоценную утварь храма надежно спрятали в тайнике. Грабители не добрались до нее. Однако сама церковь, иконостас, дома причта и прихожан пострадали от пожара. После освобождения Москвы только 5 сентября 1813 г. был заново освящен главный Троицкий престол. Через несколько лет в храме устроили придел Святого Феодосия Палестинского вместо придела Казанской Богоматери. Старую, давно обветшавшую надвратную звонницу в Набережных палатах пришлось разобрать. Трапезную переделали в стиле ампира. К ее западной стене в 1854 г. по проекту Н.В. Дмитриева была пристроена 42-метровая четырехъярусная колокольня с шатровым завершением в подражание древнерусским образцам. Она стала архитектурной доминантой всех Верхних Садовников на несколько десятилетий. В 1871 г. были заново возведены Набережные палаты – от XVII в. сохранилась лишь их центральная часть.

В 1917 г. тихий замоскворецкий храм оказался в гуще революционных событий. В марте здесь при стечении огромных толп отпевали жертв «великой и бескровной» – тех самых юношей-самокатчиков, попавших под пули на Большом Каменном мосту. Затем манифестация двинулась на Братское кладбище. Во время октябрьских боев красногвардейцы оборудовали на колокольне церкви Николы на Берсеневке огневую точку и обстреливали противоположный берег Москвы-реки, где укрепились защитники Временного правительства. Те отвечали пулеметным огнем со звонницы храма Христа Спасителя.

В церкви на Берсеневке богослужения продолжались и в первые советские годы. Ее закрыли в феврале 1930 г. – в самый разгар антицерковных гонений. Как выяснил историк В.Ф. Козлов, поводом послужили неоднократные обращения Центральных государственных реставрационных мастерских, квартировавших в соседних палатах Аверкия Кириллова и рассчитывавших увеличить свои площади за счет храма. По ходатайству той же организации, призванной сохранять культурное наследие, вскоре снесли колокольню, будто бы затемнявшую помещения, где работали реставраторы. Впрочем, инициаторам сноса это не помогло. Воинствующие безбожники обвинили самих реставраторов в том, что «они превратили мастерские в тайный церковный скит», оказывают приют «всяким бывшим», наживаются за счет советской власти и ждут ее падения. В конце концов ЦГРМ разогнали. Храм Николы на Берсеневке стал использоваться как склад Дома правительства. Во время войны здесь

разместилось фондохранилище нескольких московских музеев. Старый церковный сад с вековыми деревьями был местом тихих прогулок местных жителей, особенно детворы из Дома на набережной. Церковкой называли они этот уголок. В последующем постояльцами древних стен становились НИИ музееведения, НИИ культуры, редакция журнала «Культурно-просветительная работа». В Набережных палатах угнездился «Росконцерт».

Реставрация храма началась еще в 1970-х гг. Но только со сменой эпох, в 1992 г., здесь возобновилась церковная жизнь. Ныне храму принадлежат и Набережные палаты, над воротами которых планируется восстановить звонницу. О воссоздании большой церковной колокольни пока речи нет. На церковном участке при земляных работах нередко находят человеческие останки. Сообщения об этом подогревают легенды о Малюте Скуратове и его жертвах. Но это лишь следы древнего кладбища храма. Найденные останки местное духовенство по церковному чину захоранивает в братской могиле у стен церкви.

За палатами Аверкия Кириллова к Берсеневской набережной примыкает закатанная в асфальт площадка. В глубине виднеется симпатичный, аккуратно отреставрированный двухэтажный особняк (№ 16). На беглый взгляд это обычный дом XIX в. Но если присмотреться к цоколю здания, взглянуть на боковой и задний фасады, то можно увидеть недавно восстановленные реставраторами детали древних палат – карнизы и оконные наличники. В старой Москве – деревянной, постоянно горевшей – каменные строения ценили высоко и зря не сносили, предпочитая по мере необходимости перестраивать. Строительная история здания на Берсеневке началась, по-видимому, еще в XVI в. Сменилось немало владельцев, не раз его перестраивавших, пока в 1868 г. здесь не обосновался водочный завод Ивана Артемьевича Смирнова. Его не следует путать с более известным братом и конкурентом Петром Артемьевичем, который имел предприятие неподалеку, в Нижних Садовниках, и торговый дом на углу Пятницкой улицы и Овчинниковской набережной. Так или иначе, Замоскворечье – родина всемирно известного бренда «Смирновская водка». Сегодня дом на Берсеневке окнами на храм Христа Спасителя приспособлен под престижные офисы.



Храм Христа Спасителя

Издавна в этом месте на Москве-реке существовал лодочный перевоз. Он дожил до советских времен. О нем, например, упоминает О. Мандельштам, посещавший перед поездкой в Армению Институт народов Востока в палатах Аверкия Кириллова: «Чуть подальше промышлял перевозчик, взимая три копейки за переправу и окуная по самые уключины в воду перегруженную свою ладью». Во второй половине XIX в. тут располагалась и пристань Общества московских рыболовов, где они собирались в избе на деревянном плоту

с множеством привязанных лодок. «Но здесь не столько ловили, сколько пили...» – замечал мемуарист купец И.А. Слонов. Председателем общества был Н.И. Пастухов, издатель «Московского листка», редакция которого, как мы помним, находилась неподалеку, в Суконном дворе. Состав рыболовных сходок бывал самым пестрым и демократичным: «купцы, чиновники, капельдинеры, дворцовые лакеи и несколько подозрительных лиц неопределенной профессии».

Берсеневка и впрямь была местом патриархальным – провинцией у подножия Кремля. Но еще полтора века назад при возведении храма Христа Спасителя намечалось перекинуть от его подножия мост сюда. В советское время храм взорвали, идея же соединить здесь московецкие берега прочно утвердилась и в сталинском плане реконструкции столицы 1935 г., и в брежневском генплане 1971 г. Новый мост должен был продолжить Бульварное кольцо, чтобы наконец замкнуть его в Замоскворечье. Проект этот тихо и незаметно скончался лишь на исходе XIX в. Бульварное кольцо так и не шагнуло за Москву-реку.

Идея сооружения моста вновь всплыла, когда развернулись работы по воссозданию храма Христа Спасителя. Предполагалось связать главный кафедральный собор Русской православной церкви с Замоскворечьем, где начинала формироваться обширная пешеходная туристическая зона. Мост также должен был стать пешеходным – четвертым из построенных в последнее время на Москве-реке после «Багратиона», Пушкинского (Андреевского) и «Богдана Хмельницкого». Проект выполнили инженеры А. Колчин и О. Череминский, архитектор М. Посохин. Декоративное оформление моста, как и всего ансамбля храма Христа Спасителя, доверили вездесущему Зурабу Церетели. Строительство шло быстрыми темпами с применением новаторских технологий. На двух намытых у Берсеневской и Пречистенской набережных островах смонтировали металлические конструкции сооружения, общим весом 1200 т. Затем их свели воедино. Открытие пешеходного моста состоялось в 2004 г. Ажурное, словно сотканное из паутины, сооружение высоко выгнулось над Москвой-рекой. Длина моста – 203,1 м, ширина – 12,5 м. Его пышное убранство – фигурные перила, вычурные фонари «под старину», гранитная облицовка устоев и прочие «навороты» – потребовало расходов почти в половину общей стоимости сооружения. В 2007 г. мост продлили эстакадой через Остров и Водоотводный канал на угол Большой Якиманки. Но завершающие работы не закончены и по сей день. В 2008 г. мост получил название Патриаршего, в память патриарха Алексея II, который много сделал для возрождения храма Христа Спасителя и Русской православной церкви в целом.

Патриарший мост вопреки опасениям ревнителей московской старины не испортил здешнего пейзажа. Вписался он и в жизнь современной столицы. Здесь всегда много туристов, экскурсантов, просто гуляющей публики. Часто можно увидеть свадебные процессии. С высоты моста открываются изумительные виды Москвы, особенно впечатляющие в сторону Кремля.

С постройкой Патриаршего моста на Берсеневке стало гораздо многолюднее. Ее древности и красоты открылись тем, кто и не подозревал об их существовании. Но что-то и ушло безвозвратно. Растворяется в нахлынувшей суете вековая созерцательная тишина, элегическая атмосфера застывшего в далеком прошлом времени. Есть и вполне осязаемые потери. При строительстве моста были снесены до цоколя особняк начала XIX в. и другие вполне добротные постройки. Под самым береговым пролетом моста из земли выступает каменный помост непонятного назначения. Это подклет старинного дома, в котором еще недавно помещался известный всей Москве фирменный магазин кондитерской фабрики «Красный Октябрь». Когда строился Патриарший мост, два верхних этажа здания снесли с обещанием воссоздать после завершения стройки. Обещание это не выполнено до сих пор.

У старой Берсеневки был не только свой особый пейзаж, но и свой запах, хорошо знакомый нескольким поколениям москвичей. «Воздух на набережной Москвы-реки тягучий и

мучнистый» – еще одна строчка из Манделъштама. Больше века Берсеневка источала нежно-сладкий аромат, который речные ветры разносили далеко окрест. Долетал он и до Кремля, ощущался в замоскворецких и арбатских переулках. Это дышал «Эйнем», он же – «Красный Октябрь». Карамельный запах этот, казалось, был одной из тех ниточек, которые сшивают непримиримо враждебные времена в единую историю...



Патриарший мост

Когда в 1850 г. 24-летний уроженец Вюртемберга, подданный прусского короля Фердинанд Теодор Эйнем приехал в Россию, он наверняка строил большие планы, но едва ли предполагал, что его дело развернется так широко и надолго. Начиналось оно с малого – с кондитерской мастерской на Арбате, открытой в 1851 г. Счастливым случаем для молодого предпринимателя стала отнюдь не счастливая для России Крымская война. Эйнем сильно поднялся на казенном подряде на поставку в армию варенья, сиропов и патоки. Вскоре у него появился надежный компаньон Юлиус Гейс, тоже родом из Вюртемберга. Новоиспеченные московские купцы Федор Карлович и Юлий Федорович, как их теперь величали, используя новое зарубежное оборудование, выписывая иностранных специалистов и обучая местных, постепенно осваивали необъятный российский рынок. Шаг за шагом дело расширялось. Открылась новая фабрика на Петровке, магазины на Театральной площади и Кузнецком Мосту. В 1867 г. Эйнем покупает на имя жены владение в 1-м квартале Якиманской части на Софийской набережной прямо напротив Кремля. Сюда переводится производство, здесь же поселяется и сам хозяин с семьей. За границей покупается большая паровая машина. Как свидетельство новой организации дела и его нового технического уровня звучало теперь название фирмы «Товарищество паровой фабрики шоколада, конфет и чайных печений «Эйнем». Неуклонно развивавшемуся производству стало уже тесно на Софийской набережной, и фирма приобретает просторные участки на Берсеневке. В 1876 г. Эйнем умер в возрасте 50 лет. Его хоронят на Введенском (Немецком) кладбище. Дело продолжает Гейс. Именно при нем в 1878 г. разворачивается строительство многочисленных производственных, служебных и жилых корпусов на Берсеневке. В создании комплекса принимали участие архитекторы А. Флодин, Н. Васильев, Ф. Роде, А. Карст. Завершенность ансамблю придал А.М. Калмыков, построивший его центральную часть с высокими мансардами, наподобие старофранцузских дворцов. Впрочем, массивная краснокирпичная громада на оконечности Острова скорее напоминает гигантский корабль, идущий курсом зюйд-вест. На его этажах-палубах и в трюмах-подвалах шла жизнь по-корабельному деловитая и в отлаженном годами режиме. Фирма «Эйнем» успешно конкурировала с такими грандами тогдашнего российского кондитерского бизнеса, как «Сиу» (в советское время «Большевик»), «Абрикосов и сыновья» (имени Бабаева), «Г. и Е. Леновы» («Рот Фронт»). Она производила 20 видов продукции множества наименований. Уже тогда, век назад, выпускались знакомые

всем конфеты «Мишка косолапый». К эйнемовскому эксклюзиву относились особые сахарные корзины в подарок невестам, глазированные фрукты, шоколад с мясным экстрактом... У фирмы была своя фруктово-консервная фабрика в Симферополе, сырье для которой поставляли садовые питомники императорского двора. О качестве же продукции «Эйнема» свидетельствовали неизменный ажиотаж во всех шести фирменных магазинах в Москве, широкая популярность в России, экспорт в Европу, на Ближний Восток, в Персию, Китай. На Нижегородской художественно-промышленной выставке 1896 г., приуроченной к коронации Николая II, павильон фирмы поразил посетителей красотой, а ее продукция получила золотую медаль и право печатать на упаковке Государственный герб. А Гран-при в Париже означало уже мировое признание. В 1913 г. «Эйнем» стал поставщиком императорского двора.

Успехам фирмы много способствовала изощренная реклама. Конфеты в красивой обертке, изящные, отделанные кожей и бархатом коробочки и сундучки и сейчас просятся в руки. В начале XX в. над Москвой уже летал дирижабль с рекламой «Эйнема». Ее печатали на географических картах, театральных программках, открытках с видами Москвы, вкладывавшихся в шоколадные наборы. В них можно было обнаружить и ноты «Шоколадного вальса» и «Вальса Монпасье» либо других произведений, сочиненных для фирмы композитором Фельдманом, кстати, автором романса «Ямщик, не гони лошадей».

Для поддержания конкурентоспособности не только в России, но и на внешнем рынке, товарищество выписывало из-за границы оборудование и специалистов. Так, наладить производство бисквита помогли лучшие мастера этого дела – англичане. Но основной массой рабочих были свои – русские. В 1923 г. их насчитывалось 280. На «Эйнеме» царил фабричный домострой. Фабрика была для рабочих патриархальной семьей, родным домом. Большинство и жило здесь же, на Берсеневке, в удобных по тем временам казармах, пользовалось больничной кассой. Подростки-подмастерья ходили в фабричную школу. За 25-летнюю беспорочную службу рабочий награждался почетным жетоном, именными часами, но главное – ему назначалась пенсия в размере зарплаты. Неудивительно, что фабричные держались за свои места. В ходу даже была поговорка: «Рабочие «Эйнема» уходят вместе с гробом». Но и дисциплина поддерживалась строгая. На воротах фабрики висело предупреждение: девушкам-работницам не иметь в платье иголок и булавок, чтобы не поранить охрану при обыске подозреваемых в выносе продукции.

В рабочей среде «Эйнема» выковывались незаурядные личности. Здесь, к примеру, мальчиком-подмастерьем начинал свою трудовую биографию Михаил Кошкин. Его, деревенского парнишку из-под Углича, зимой 1909 г. подобрал на улице эйнемовский рабочий Герасим Мохов и пристроил на фабрику в карамельный цех. Впоследствии, в советское время, Михаил Ильич Кошкин делал уже не конфеты, а лучшие в мире танки. Он стал главным конструктором легендарного Т-34.

Отлаженная работа «Эйнема» нарушалась редко. Серьезных забастовок здесь не было. Но в 1915 г. во время Первой мировой войны, когда по Москве прокатилась волна немецких погромов, досталось и «Эйнему». В подстрекательстве погромщиков тогда подозревали конкурентов. Между тем фирма вагонами отправляла в действующую армию печенье и сладости, открыла на Берсеневке лазарет для раненых.



Реклама кондитерской продукции фабрики «Эйнем»

Относительное благополучие эйнемовских рабочих не помешало им стать в 1917 г. активными красногвардейцами, участниками октябрьских боев. В 1918 г. советская власть национализировала предприятие. Теперь оно называлось «Государственная кондитерская фабрика № 1 (бывший «Эйнем»)». В 1922 г. последовало новое переименование – в «Красный Октябрь». Предприятие оставалось образцовым и в советское время. Глубоко заложенные традиции не разрушили ни пресловутые «вал» и «план», ни даже война. На Великую Отечественную ушло больше 500 краснооктябрьцев. Имена 72 из них запечатлены на мемориальной доске в память павших на фронтах, установленной на фасаде здания в 1975 г. Многие сотрудники предприятия воевали в 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района столицы (впоследствии 60-й стрелковой Севско-Варшавской ордена Суворова). В военные годы помимо обычных конфет и шоколада «Красный Октябрь» выпускал также взрывчатку, пищевые концентраты для армии и даже детали автоматов.

Фабрика держала марку и в послевоенное время. В 1958 г. она вновь завоевала Гран-при всемирной выставки, на сей раз в Брюсселе. В конце XX в. на предприятии работало свыше 5 тыс. человек, некоторые рабочие династии вели родословную еще с «Эйнема». Людей привлекали сюда социальные гарантии – собственный детский сад напротив Третьяковки, техникум-лицей и т. д. Достопримечательностью «Красного Октября» стал его музей, на экскурсию в который приходилось записываться за несколько месяцев.

Казалось, Берсеневке вечно быть сладким полюсом Москвы. Но на рубеже XX – XXI вв. развернулся массовый вывод промышленных предприятий из центра столицы, согласно программе московской власти. В 2007 г. настала очередь «Красного Октября». Производство переехало в Сокольники, на Верхнюю Красносельскую улицу. На Берсеневке остались старинные краснокирпичные корпуса – памятники промышленной архитектуры, не подлежащие сносу. Планы коммерческого освоения этой уникальной площадки в самом сердце Москвы рядом с Кремлем и храмом Христа Спасителя предусматривали создание здесь многофункционального комплекса, включающего элитное жилье, пятизвездочную гостиницу, пешеходную туристическую зону с ресторанами, барами и кафе, а также арт-студиями. В напоминание о прошлом предполагалось сохранить в старых стенах небольшое экспозиционное кондитерское производство и музей шоколада. Все эти преобразования увязывались с городской программой «Золотой остров».

Однако очередной экономический кризис заставил отложить осуществление планов, как полагали, на пять лет. В ожидании лучших времен помещения в корпусах «Красного Октября» начали сдавать в аренду под дизайнерские и архитектурные бюро, арт-галереи, художественные студии, медиа-центры, дискуссионные площадки, кафе, ночные клубы, вскоре здесь сформировался уникальный для современной Москвы «креативный кластер» – своеобразная лаборатория модернизационных идей и начинаний. Так, на Берсеневской набережной, у самого Патриаршего моста, в реконструированных хозяйственных помещениях кондитерской фабрики разместился Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка». В нем разрабатываются авангардные идеи преобразования городской среды, обучаются профессионалы нового поколения и нового уровня. Сегодня «Красный Октябрь» вновь на слуху. Здесь возникла новая, еще не совсем внятная жизнь, которая уже оказывает влияние на происходящее в Москве и во всей стране. Впрочем, не отменены и прежние планы застройки территории элитным жильем и гостиницами.

У старой Берсеневки помимо специфического аромата был и свой особый звуковой образ. Целый век район жил под шум падающей воды. Здесь у самой оконечности Острова Москву-реку перегораживала Бабьегородская плотина. Теперь от этого некогда крупнейшего

гидротехнического сооружения города не осталось и следа – водная гладь стелется ровно и спокойно.

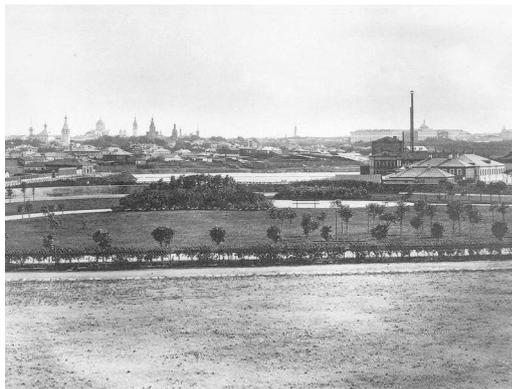
Впервые Москва-река была запружена между Берсеневкой и Остожьем после наводнения 1782 г., когда для осмотра устоев и ремонта Каменного моста потребовалось отвести речные воды в особый канал. Но августовской ночью 1786 г. неожиданный паводок прорвал земляную плотину и полностью разрушил ее.

Прошло полвека. После наполеоновского нашествия Москва интенсивно отстраивалась. Быстро развивались промышленность и торговля. Рост этот явно тормозился несовершенством транспортной системы. Железных дорог в России еще не существовало, а лошадь и подвода уже не справлялись с возросшим объемом перевозок. Посему ставка была сделана на самый дешевый и грузоподъемный вид транспорта – водный. Требовалось значительно улучшить условия судоходства на Москве-реке. Ее глубина в межень¹ в некоторых местах не превышала и полуметра. В центре города реку перегораживал старый Каменный мост, непроходимый для больших судов. Тогда решено было сделать судоходным Водоотводный канал. В 1830-х гг. его расширили и углубили. На восточном конце канала близ Краснохолмского моста соорудили плотину и шлюз. Одновременно Москву-реку перегородили чуть ниже стрелки, у Бабьего городка. Так называется историческая местность на московском правом берегу в районе современной Крымской набережной.

Первое письменное упоминание о Бабьем городке относится к началу XVII в. Само название – одна из топонимических загадок, над которой уже не первый век бьются историки и краеведы. Еще в первой половине XVIII в. В.Н. Татищев поведал читателям о старом московском предании. Оно гласит, что в 1382 г., когда золотоордынский хан Тохтамыш шел грозной ратью на Москву, женщины-беженки, которых некий воевода, опасаясь голода, не пустил под защиту кремлевских стен, решили обороняться самостоятельно. На берегу реки из бревен и земли они соорудили укрепление – городок, хитростью завладели оружием татар и несколько дней отбивались от врагов.

Другая легенда также связывает происхождение названия с золотоордынским владычеством. Будто бы здесь, на замоскворецких лугах, татары получали в качестве дани женщин и девушек. Историк И.М. Снегирев предположил связь названия с казнью «лихих баб», которые были утоплены в Москве-реке по повелению Ивана III за то, что «приходили к его жене Софии с зелием». Есть и более прозаические версии. Так, известный москвовед П.В. Сытин выводил название урочища от деревянных или чугунных болванок-баб, с помощью которых забивали сваи и таким образом городили – укрепляли – низменный берег реки. Существует также предположение, что здесь некогда был мост на срубах-городнях, куда московские бабы ходили полоскать белье. Так или иначе, колоритное название пережило столетия. И сейчас на плане Якиманки легко найти 1-й и 2-й Бабьегородские переулки.

¹ Межень – низкий уровень воды.



Вид на Замоскворечье и Бабьегородскую плотину. Конец XIX в.

Бабьегородская плотина была открыта в 1836 г. Ее «отверстие» составляло 100 м. Плотина была деревянной, разборной. Во время ледохода ее разбирали, после окончания паводка собирали вновь. На каждую операцию уходила примерно неделя. Плотина подняла уровень реки на 2,8 м. Было затоплено знаменитое мелководье – Крымский брод. Подпор плотины ощущался уже в 15 верстах выше по течению – у Филей и Шелепихи. В результате гидротехнических работ 1830-х гг. открылись новые возможности для судоходства. Грузовые барки могли швартоваться в центре города – на Болоте и Балчуге. В межень затворы Бабьегородской плотины периодически открывались, массы воды устремлялись вниз по течению, повышая уровень реки вплоть до Коломны. На гребне этой волны караваны судов могли преодолевать многочисленные мели и перекаты.

В 1853 г. у плотины на остоженском берегу было построено водоподъемное сооружение. Отсюда проложили трубы на Арбат, Пречистенку, Тверскую. Но Бабьегородский водопровод оказался маломощным, зимой часто замерзал, весной забивался грязью. Москвичи невысоко ценили воду с Бабьего городка, считали ее невкусной. В зимнее время покрытый льдом разлив реки у Бабьегородской плотины становился местом любимейшей народной забавы. Здесь проходили кулачные бои. Бились один на один и стенка на стенку. Порой разыгрывались настоящие сражения с участием сотен бойцов.

В 1881 г. у плотины установили постоянный гидрологический пост для наблюдения за уровнем реки. Измерения на Берсеневке ведутся и по сей день. Нет только самой плотины. Старинное сооружение не раз реконструировалось и дожило до 1937 г. Создание водной системы Москва – Волга сделало Бабьегородскую плотину ненужной, и ее снесли.

Оконечности Острова, место, где от Москвы-реки отходит Водоотводный канал, зовется Стрелкой. Мыс этот был укреплен каменной отмошкой еще в 1786 г. после наводнения, размывшего берег. Нынешний красивый гранитный амфитеатр – трибуны водноспортивной станции, сооружен в 1935 г. На Стрелке в окружении вековых деревьев виднеется уютный двухэтажный домик с башенкой под высоким шпилем, словно сошедший с полотен старых голландцев. Он был построен в 1890 г. по проекту архитектора К.В. Треймана для Императорского Московского речного яхт-клуба. Здесь, на Стрелке, зародился московский спорт, стяжавший с тех пор мировую славу. Начало ему положил именно яхт-клуб. Его устав был утвержден Александром II 6 июля 1867 г. С начинанием выступила группа знатных и состоятельных москвичей, стремившихся не отстать от Петербурга, где яхт-клуб уже был. Спорт вошел тогда в светскую моду, стал знаком принадлежности к сливкам общества. В клуб ходили не только для физического совершенствования, но и для приятного и полезного времяпрепровождения в своем кругу. Здесь были ресторан, библиотека и все, что надо для нескучного светского отдыха. «Обед был прекрасный, и гонка лодок, и все это было довольно мило, но в Москве не могут без ridicule. Явилась какая-то дама, учительница

плавания шведской королевы, и показывала свое искусство», – говорит у Толстого в «Анне Карениной» Вронский, явно имея в виду яхт-клуб. Вопреки названию здесь культивировалась в основном гребля. Для парусных яхт московрецкий плес у Бабьегородской плотины был тесноват, зато для гребных регат подходил идеально. Первые соревнования здесь прошли в 1871 г. Вскоре состоялась гонка команд Москвы и Петербурга. Из московского яхт-клуба вышли выдающиеся спортсмены своего времени А. Переселенцев и М. Свешников. С. Шустов стал в 1892 г. первым чемпионом России по академической гребле. Впоследствии он, а до него его брат Василий были командорами яхт-клуба. Но всероссийскую и даже международную известность семье Шустовых принесли не спортивные успехи, а знаменитый шустовский коньяк, производившийся их фирмой.

Яхт-клуб не приостанавливал свою работу и зимой, когда Москва-река замерзала. По льду катались на коньках и буерах. Клуб с 1886 г. также арендовал пруд на Петровке. Здесь он устраивал популярный каток и проводил первые в Москве матчи по хоккею с мячом. Яхт-клуб развивал гимнастику, фехтование, стрелковые дисциплины. Его роль в истории отечественного спорта пока еще не оценена по достоинству. Яхт-клуб был еще и пионером в деле спасения на водах. Он организовал сеть спасательных станций на Москве-реке. В советское время одним из преемников яхт-клуба стала водноспортивная база «Стрелка». Здесь выросло немало известных спортсменов. До открытия гребного канала в Крылатском «Стрелка» считалась главным московским центром гребного спорта. Впоследствии здесь тренировались в основном дети. Еще недавно лодки, стремительно скользящие по акватории Москвы-реки и Водоотводного канала, были повседневной приметой местного пейзажа. Сегодня на Стрелке – запустение.

Юго-западная оконечность Острова – одна из самых эффектных градостроительных точек Москвы. Она не раз фигурировала в архитектурных планах. Предполагалось, в частности, поставить здесь, на речном просторе, знаменитую скульптуру Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», существовал проект установки тут монумента подвигу челюскинцев. Но в конце концов на Стрелке появилось нечто такое, что в мгновение ока изменило панораму этих мест и уже второе десятилетие смущает умы и чувства москвичей, вызывает среди них бурные споры. «Монумент в ознаменование 300-летия создания Российского флота», а в просторечии памятник Петру I – безусловно, самая скандальная достопримечательность Москвы. Международные интернет-опросы включают его в десятку самых уродливых сооружений мира. Многочисленные критики творения Зураба Церетели пеняют автору на подавляющий масштаб колосса, нелепость скульптурного образа Петра в средневековых латах, попирающего утлое суденышко, невесть как вознесенное на ростральную колонну. Замечают также несуразность деталей и подозрительное сходство монумента с неосуществленным проектом памятника Колумбу, который З. Церетели предлагал для установки в США или латиноамериканских странах. Тем не менее у исполина на Стрелке есть и поклонники, замороженные его циклопическими размерами, брутальностью, наглядной повествовательностью форм. Это один из крупнейших памятников России. Его высота – 98 м! Одна лишь фигура Петра, изготовленная на заводе «Монументскульптура» в Санкт-Петербурге, вымачивалась на 20 м. Монумент создан с применением самых современных технологий, из высококачественной стали, меди и бронзы с позолотой и смонтирован всего за год на прочнейшем фундаменте из железобетонных свай, вбитых в речное дно на 19 м до твердых известковых пород. Открытие памятника состоялось 5 сентября 1997 г. в дни празднования 850-летия столицы. От такого подарка Москва не может опомниться и по сей день. И уже давно позабылось, что памятник посвящен знаменательному событию отечественной истории – 30 октября 1696 г. Боярская дума по предложению Петра I приговорила: «Морским судам быть». Так началась летопись регулярного Российского флота.



Памятник Петру I работы Зураба Церетели

Островок, на котором установлен монумент, обрамлен струями фонтана и соединен со Стрелкой мостиком. Но на прогулочную площадку доступ публике закрыт. Объект бдительно охраняется – памятник уже намередвалась взорвать некая антимоноархическая радикальная группировка.

Обойдем закрытую зону Стрелки по дворам «Красного Октября», похожим на закоулки средневекового города, или по **Берсеневскому переулку** и окажемся на берегу Водоотводного канала. Этот рукотворный водоток, давно ставший частью исторического ландшафта столицы, можно назвать памятником вековой борьбы людей со стихией.

Москва-река дала городу имя и жизнь, поила, кормила и защищала его. Но она же была извечной головной болью горожан. В межень недоступная для серьезного судоходства, необузданная в половодье, река вдобавок еще и препятствовала развитию Москвы в южном направлении, изолируя ядро города от предместий и мешая застройке низменных мест. Лишь в конце XVII в. сооружением каменного Всехсвятского моста была налажена более или менее надежная связь между берегами. Но проблема наводнений столетиями дамочловым мечом висела над городом. Летописи сообщают о бедствии 1347 г., о «великой паводи» 1496 г. Наводнения отмечались в 1518, 1566, 1607, 1655, 1687 гг. В XVIII в. они случались все чаще, становились все грознее, разрушительнее. Вполне научное объяснение этому было дано еще в екатерининские времена. Хищническая вырубка лесов в верховьях реки для строительных и бытовых нужд города привела к изменению режима снеготаяния. Вешние воды разом устремлялись с полей в реку и ее притоки. Увеличению масштабов наводнений способствовали подсыпка и застройка берегов, суживавшие русло. Неширокие проемы Всехсвятского моста часто забивались льдом, обломками разбитых судов и разным мусором.

Уже при Екатерине II были предприняты попытки обуздать стихию и улучшить судоходство. В плане перепланировки древней столицы, составленном в 1775 г. Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, предусматривались грандиозные гидротехнические работы. Намечалось прорыть отводные каналы. Один должен был спрямить большую замоскворецкую излучину по линии Андреевский монастырь (у Воробьевых гор) – Даниловская слобода примерно по трассе нынешнего Третьего транспортного кольца. Другой канал предполагалось проложить по древней старице от Бабьего городка до Кожевников, а в его низовьях построить речной порт и хлебный рынок.

Дорогостоящий и трудоемкий проект долго оставался лишь на бумаге. Андреевское спрямление так никогда и не было осуществлено. Строительство же центрального канала подхлестнуло очередное катастрофическое наводнение 1783 г. Тогда, как мы помним, паво-

док разрушил арки Каменного моста. Чтобы отремонтировать его, пришлось соорудить выше по течению у Бабьего городка временную плотину и отвести воду в новое русло. Оно прошло по древней старине – цепочке озерков, проток и болот. Первоначально канал проходил только до Балчуга и близ храма Георгия в Ендове соединялся «ровушком» с Москвой-рекой (отсюда название – Раушская набережная). Первая очередь строительства, которое велось под руководством военного инженера И.К. Герарда, завершилась в 1786 г. В последующие десятилетия канал продлили до Краснохолмского моста. Предполагалось, что новое русло возьмет на себя до 40 процентов весеннего паводка. Однако узкий канал не смог полностью обезопасить город от стихии и существенно улучшить судоходство.

В 1830-х гг. при генерал-губернаторе Д.В. Голицыне вновь развернулись масштабные гидротехнические работы. Москва, в которой тогда бурно развивались промышленность, торговля и строительство, остро нуждалась в надежной транспортной инфраструктуре. Особая роль в планах отводилась реконструкции Водоотводного канала, который предполагалось сделать судоходным. Его расширили местами до 40–50 м, углубили и очистили. На реке была сооружена Бабьегородская плотина, а в конце канала – Краснохолмская. В результате уровень воды поднялся. В Кожевниках канал получил новое русло и шлюз для пропуска судов. Тогда же засыпали старинные «ровушки» на Балчуге.

Но серьезное транспортное значение канал сохранял недолго. Во второй половине XIX в. настала эпоха железных дорог. Судоходство на канале постепенно пришло в упадок. Остался лишь популярный у москвичей прогулочный маршрут от Болотной площади мимо Воробьевых гор к Бородинскому мосту. Не слишком оберегал канал город и от наводнений. Поэтому на рубеже XIX–XX вв. вновь всплыла давняя идея строительства Андреевского спрямления. Водоотводный канал же предлагалось вовсе засыпать.

Но этого не случилось. Более того, канал благоустраивали. Перед революцией он, единственный из московских водотоков, имел набережные из «дикарного камня» – татаровского песчаника на всем протяжении русла. Через него были перекинuty капитальные мосты. В советское время, в 1930-х гг., канал вместе со своей водной системой Москвы подвергся реконструкции. Его одели в высокие набережные, облицованные гранитом, возвели новые мосты, включая Малые Каменный и Москворецкий.

Когда началась Великая Отечественная война, возникло опасение, что канал послужит хорошим ориентиром для немецких летчиков при бомбежках центра города, а потому в некоторых местах над водой натянули маскировочные сети, русло заполнили плотами и макетами домов. Вид сверху на окрестности Кремля изменился.

Ныне Водоотводный канал, казалось бы, полностью исчерпал свое первоначальное предназначение. Наводнения на Москве-реке давно прекратились. Утратил канал и былое значение для судоходства. Сегодня лишь маленькие катера и баржи заходят сюда, когда нужно ремонтировать мосты и набережные или очищать от мусора водную поверхность. Правда, не так давно от пристани на Болотной площади вновь стали ходить прогулочные суда.

При всем том градостроительная роль канала по-прежнему велика. По его набережным движутся транспортные потоки. Канал во многом формирует ансамбль прибрежной Якиманки, придает ей неповторимый колорит. В последние годы здесь много строят. В пределах района появились несколько современных деловых центров, памятник Петру I, два пешеходных моста. На очереди еще один – в створе 3-го Голутвинского переулка.

Судя по тому, что кое-где на канале летом распускаются кувшинки, вода в нем не такая уж грязная. А лет пять назад здесь обнаружили диковинную красноухую черепаху. Летом в жару она плавала у берега рядом с Малым Каменным мостом, вылавливая кусочки размокшего хлеба, которые бросали ей местные жители и сотрудники близлежащих офисов. Этот

вид рептилий на зиму способен зарываться в ил и впадать в спячку. Очевидно, именно так черепаха пережила московские морозы.



Болотная набережная

По левому берегу Водоотводного канала на Острове от Стрелки до Малого Москворецкого моста почти на полтора километра протянулась **Болотная набережная**. По ней и продолжим наше путешествие. Минуем выходящие сюда разновременные и разномастные постройки бывшего «Эйнема» – «Красного Октября», пройдем под пешеходной эстакадой – продолжением Патриаршего моста. Слева за оградой с необычным узором решетки в виде разящих молний возникает светлое здание со следами былой красоты, увенчанное высокими светлыми трубами. На фасаде броская вывеска – «ГЭС-2 Мосэнерго». Когда-то здесь билось энергетическое сердце московского трамвая – основной транспортной системы старого города.

С середины XIX в. Москва стремительно пошла в рост на дрожжах капитализма. За полстолетия ее население увеличилось втрое и превысило миллион жителей. Границы городской застройки раздвинулись, уклад и темп жизни изменились, стали активнее, быстрее. Москве, исстари ездившей на извозчиках в собственных экипажах или верхом, а по большей части ходившей пешком, понадобился общественный транспорт. В 1847 г. появились линейки – громоздкие 10-местные конные повозки, курсировавшие от Ильинских ворот до застав. С 1872 г. Москва начинает покрываться сетью путей конно-железнодорожной (конки), общая протяженность которых в конце концов превысила 90 км! Одна из линий проходила по Большой Якиманке, Большой Калужской улице до Воробьевых гор. Строили и эксплуатировали всю систему московской конки две частные компании – Первое общество конно-железных дорог и Бельгийское акционерное общество. Но в век прогресса этот вид транспорта вскоре стал восприниматься как архаика. Москва устремилась в погоню за Европой. В 1895 г. городская дума признала целесообразность внедрения новинки техники – электрического трамвая. Решено было не отдавать дело частным компаниям, а сосредоточить его в руках городского самоуправления. Однако первую опытную линию трамвая от Страстного монастыря до Петровского парка открыло 6 апреля 1899 г. все же Бельгийское общество, переоборудовав ее из конки. Успех окрылил городских модернизаторов. В 1901–1909 гг. город выкупил имущество обеих конно-железнодорожных компаний и создал обширную сеть трамвайных линий. Для этого потребовалось наладить надежное электропитание. Сначала ток подавался с частной электростанции на Раушской набережной. Но город решает строить свою. Для нее отвели часть территории Винно-соляного двора на Болотной набережной. Закладка состоялась 25 сентября 1904 г. Несмотря на потрясения первой русской революции, уже через два с половиной года, 2 февраля 1907 г., первая очередь Трамвайной электростанции была торжественно открыта. Церемонию почтили своим

присутствием городской голова Н.И. Гучков и другие «отцы народа». Электростанция была оборудована по последнему слову техники паровыми котлами завода «Фицнер и Гампер» в Сосновицах и турбинами фирмы «Браун-Бовери» в Бадене. Вырабатывался переменный ток с напряжением 660 вольт, который подавался на девять подстанций, преобразовывавших его в постоянный с напряжением 600 вольт, и шел в контактную сеть. Станция работала на нефти, доставлявшейся по трубопроводу из хранилища у Симонова монастыря. Два подземных резервуара имелись и на станционном дворе. Воду брали из Москвы-реки и Водоотводного канала и туда же отработанную сбрасывали. Одно такое приемное сооружение нам уже попадалось на маршруте по Берсеневке. Аналогичное можно увидеть и на Болотной набережной Водоотводного канала в виде выступа подпорной стенки.



Бывшая Трамвайная электростанция, ныне ГЭС-2 Мосэнерго

Трамвайная электростанция – уникальный памятник промышленной архитектуры. Имя его создателя, архитектора Василия Никоновича Башкирова, прочно забыто, редко упоминается даже в специальной литературе, не говоря уже о путеводителях. Выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества и Петербургской академии художеств, он строил особняки, училища, музеи. Ему, например, выпало осуществить «сказочные» замыслы В.М. Васнецова – фасад Третьяковки, собственный дом – мастерскую художника в Мещанской части и особняк-галерею Цветкова на Пречистенской набережной. В строительстве Трамвайной электростанции принял участие также инженер В.Г. Шухов, прижизненной и посмертной славой не обделенный. В Верхних Садовниках был создан целый комплекс сооружений – производственные и служебные корпуса, склады и хранилища, мастерские, лаборатория, два жилых дома для персонала, амбулатория. На Водоотводный канал выходит протяженный фасад здания машинного зала. В его архитектуре сосуществуют разные начала. Рационализм индустриальной эпохи выражен четким ритмом широких окон, ясностью общей композиции. Декоративное убранство же выдержано в модном тогда «русском стиле» с его фигурными наличниками, килевидными кокошниками, высокими теремными кровлями. Особенную живописность зданию придавала башенка с часами и шатровым верхом, наподобие Спасской башни Кремля. Трамвайная электростанция не должна была выпадать из архитектурного контекста центра Москвы. Ведь она смотрелась на фоне Кремля, храма Христа Спасителя, замоскворецких древностей.

К корпусу машинного зала сзади примыкает самое обширное здание станции – котельная. Оно выстроено в виде древней базилики, его по-церковному величественный торцевой фасад с гигантской аркой сегодня можно рассмотреть, зайдя во двор Дома на набережной за

кинотеатром «Ударник». Но уже давно нет главного отличительного знака электростанции, своего рода ударной ноты ансамбля, – четырех 62-метровых дымовых труб, венчавших корпус котельной и являвшихся наряду с колокольней на Софийской набережной высочайшими сооружениями старой Якиманской части. Не о них ли когда-то писал Осип Манделъштам:

*Река Москва в четырехтрубном дыме,
И перед нами весь раскрытый город:
Купальщички-заводы и сады
Замоскворецкие. Не так ли,
Откинув палисандровую крышку
Огромного концертного рояля,
Мы проникаем в звучное нутро?*

Строительство Трамвайной электростанции дало мощный толчок развитию общественного транспорта Москвы. В 1913 г. трамвай перевез уже 250 млн пассажиров. Его линии опутали весь город. В Якиманской части они пролегали по Всехсвятской, Большой Полянке, Житной, Коровьему и Крымскому Валам и Большой Калужской улице. На Шаболовке был построен Замоскворецкий трамвайный парк (ныне депо имени Апакова). Трамвай стал самым большим и прибыльным городским предприятием.

В 1917 г. электростанция в Верхних Садовниках стала оплотом большевиков. И это во многом способствовало их победе в октябрьских боях. Трамвай работал бесперебойно, обеспечивая перемещение красногвардейцев и снабжение их боеприпасами. Попытки сторонников Временного правительства взять электростанцию под свой контроль ни к чему не привели. С часовой башни по их позициям велся пулеметный обстрел.

После революции предприятие было национализировано. Станция работала под названием «ГЭС-2 Мосэнерго». Она обеспечивала тепло кварталы в центре Москвы, в том числе и Кремль. За век своего существования станция серьезно нарастила мощности, но многое потеряла в архитектурном облике. В начале 1930-х гг. Дом на набережной полностью закрыл ее со стороны Болотной площади. В военном 1941 г. были разобраны знаменитые трубы-гиганты. Боялись, что они послужат ориентирами для немецкой авиации. Нынешние металлические белые трубы маловыразительны и никак не сочетаются с архитектурой станции. Впрочем, и «боярские» одеяния фасадов потускнели, лишились многих декоративных элементов. Башенка, утратившая и часы, и свой «кремлевский» шатер, торчит теперь непонятным обрубок. Но и в таком виде электростанция не портит пейзаж.

Завершив «кругосветку» по Верхним Садовникам, мы вновь оказываемся на улице Серафимовича – древней Всехсвятской, у кинотеатра «Ударник». Здесь через Водоотводный канал перекинут Малый Каменный мост. Его странное название – Космодамианский. В древности Волоцкая дорога, перебравшись через Москву-реку под Боровицким холмом, должна была преодолевать еще и болотистую, заливаемую паводками, испещренную озерами, бочагами и старицами москворецкую пойму. Для удобства движения здесь с давних пор устраивали деревянные мостки, гати и насыпи. После возведения в конце XVII в. каменного Всехсвятского моста на Москве-реке южнее его соорудили дамбу с мостом через старицу, который впоследствии не раз реконструировали, отстраивали заново. Первоначально он находился в створе Большой Якиманки, затем был перенесен восточнее, на линию Космодамианской улицы (нынешней Большой Полянки). Именно здесь на первом геодезическом плане Москвы 1739 г. показаны плотина-дамба и переезд через старицу. За мостом закрепил

лось название Космодамианского – по соседней церкви Святых Космы и Дамиана в Кадашах, стоявшей в начале Большой Полянки вплоть до 1930-х гг.

План реконструкции древней столицы, составленный в 1775 г. Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, предусматривал вместе с прокладкой Водоотводного канала и строительство нового каменного Космодамианского моста. Оно началось в августе 1789 г. по представлению московского главнокомандующего П.Д. Еропкина, высочайше одобренному Екатериной II. Это было довольно внушительное сооружение. Во всяком случае, в 1812 г. оно выдержало отступление по нему огромной массы наполеоновских войск с обозами и артиллерией. Проехал тогда здесь и сам император Франции.

Только в 1860 г. старый мост был капитально реконструирован в связи с новыми условиями уличного движения. Вскоре по нему пустили конку, затем трамвай. В XIX в. прежнее официальное название постепенно вышло из употребления, уступив место обиходному – Малый Каменный мост. Оно лучше отражало неразрывную связь двух соседних транспортных сооружений. И судьба у них оказалась общей. Так в октябре 1917 г. и Большой и Малый Каменные мосты стали мостами уличных боев. Защитники Временного правительства пытались удержать за собой важную военную коммуникацию между Кремлем и тремя школами прапорщиков в Замоскворечье, а также захватить оплот большевиков – Трамвайную электростанцию. Но красногвардейцам и революционным солдатам удалось занять Малый Каменный мост и закрепиться на подступах к Большому. Тогда отряд юнкеров на грузовике с пулеметом предпринял смелый рейд в обход через Устьинский мост к воротам Трамвайной электростанции. Однако здесь они попали в окружение и вынуждены были, бросив автомобиль, уходить дворами. Все эти дни оба Каменных моста находились под постоянным обстрелом.

Через два десятилетия оба сооружения почти одновременно были демонтированы, чтобы уступить место новым. Малый Каменный мост, построенный в 1938 г., проектировался как продолжение Большого на мощной транспортной магистрали и получил такую же ширину – 40 м. Длина его составила 63,6 м. Если прежний мост был трехпролетным, то современный перекрывает Водоотводный канал единой железобетонной аркой с пролетом 55,6 м. Авторы сооружения, инженер И.Г. Гольбродский, архитекторы К.Н. и Ю.Н. Яковлевы, смогли совместить надежность и функциональность конструкции с совершенством пропорций и красотой линий. Мост облицован серым гранитом, декорирован барельефными вставками и монументальным карнизом. Массивные чугунные перила сложного растительного рисунка придают сооружению необычную торжественность. Малый и Большой Каменные мосты, примыкающие к ним набережные вместе с соседним комплексом Дома правительства и кинотеатром «Ударник» воспринимаются как единый ансамбль, градостроительный памятник Москвы довоенной.

Сегодня судьба этого наследия вызывает опасения. Например, гранитная облицовка Малого Каменного моста разрушается на глазах. Из обрамления его пролетной арки выпадают внушительные плиты, открывая на растерзание стихиям бетонные конструкции. А ведь под мостом теперь регулярно ходят прогулочные суда...

Вокруг Болотной

К левой стороне улицы Серафимовича выходит Болотная площадь – место знаменитое в прошлом и настоящем, отмеченное самой Историей. В обычные дни здесь тихо и умиротворенно, но какие только страсти не кипели на Болоте... Кипят и по сей день. Это одно из главных публичных пространств Москвы, ее Форум...

В наше время трудно представить, что в самом сердце столицы, напротив Кремля, когда-то были топи, бочаги и кочки. Просыхавшее после ежегодных паводков болото тянулось вдоль древней старицы Москвы-реки. Несмотря на это, люди селились в этих гиблых местах с доисторических времен. Неподалеку отсюда, на Софийской набережной, обнаружены железные топоры возрастом 4000 лет. Вдоль западной кромки Болота с XI в. проходила большая Волоцкая дорога. Позднее ее трасса переместилась восточнее – на линию нынешней улицы Балчуг. Уже во времена Дмитрия Донского узкое пространство между Болотом и берегом Москвы-реки, по-видимому, было застроено. Сюда, в Заречье, легко перекинулся огонь великого Всехсвятского пожара 1365 г. Тем не менее застройка, вероятно, была редкой и неплотной. Основное пространство здесь все еще занимал заливной Великий луг – место выпаса великокняжеских лошадей.

Столетие с лишним спустя, в 1495 г., после очередного огненного опустошения Иван III повелел устроить здесь, на пожарище, большой плодовый сад. Рядом поселились слободами дворцовые садовники. Топкое место у старицы оставалось пустопорожним, когда вокруг уже теснились усадьбы слобожан. Москвичи так и называли его – Болото. Название его в письменных источниках известно с 1514 г.



Болотная площадь

Век за веком Москва наступала на Болото. Копались дренажные канавы – «ровушки», ставились дома на высоких деревянных основаниях, как предписывал и указ Сената от 1721 г. Но победить топи не удавалось. Лишь зимой их сковывал лед, и тогда здесь, на ровном просторе, кипело торжище. В Смутное время в феврале 1611 г. именно на хлебном рынке на Болоте произошло одно из первых столкновений москвичей с иноземными интервентами, обосновавшимися в Москве. Оно стало прелюдией к общему восстанию горожан, на помощь которым пришло земское ополчение. Так начиналась «бунташная» слава Болота. В XVII в. в Замоскворечье образовалось несколько стрельецких слобод. Есть сведения, что стрельцы использовали незастроенное Болото как полигон. Здесь стояли мишени для артиллерийских и ружейных стрельб.

С давних пор на Болоте вершились публичные казни. Для них это было идеальное место – вместительное, отдаленное от плотно застроенного и осененного соборами Кремля,

священную землю которого старались не осквернять кровью преступников. Летом 1662 г. на Болоте сложили буйны головы несколько заводил Медного бунта – восстания москвичей, вызванного денежной реформой и жестоко подавленного властью. В 1670 г. здесь сожгли как «раскольника» одного из сподвижников протопопа Аввакума старца Авраамия. Собирались таким же образом расправиться на Болоте и с его покровительницей – боярыней Федосьей Морозовой, да не решились из-за ее знатного происхождения и родственных связей. На замоскворецком пустыре на позорище и устрашение всем бунтовщикам и крамольникам были выставлены расчлененные останки атамана Стеньки Разина, четвертованного на Красной площади в 1671 г. Они провисели на Болоте на столбах и колесах несколько лет, пока их не зарыли на «бусурманском кладбище» за Калужскими воротами. В 1676 г. на Болоте на плахе принял смерть брат Степана Фрол, который, пытаясь сохранить жизнь, обещал открыть разинский клад, но за шесть лет заключения так и не смог показать точное место.

Казнили здесь не только явных мятежников и вероотступников, но и колдунов. В 1691 г. на Болоте сожгли в срубе «волхвов Дорофейку и Федьку», а вместе с ними отрубили голову стольнику Андрею Безобразову, доверившемуся их ворожбе и будто бы умышлявшему «злым своим воровским умыслом на Государское здоровье». После подавления Стрелецкого бунта 1692 г. в Москве начались массовые казни его участников. Замоскворецкое Болото тогда в очередной раз залилось кровью. Здесь по воле Петра I погибли десятки стрельцов.

Самая знаменитая казнь на Болоте свершилась 10 января 1775 г. Она надолго запечатлелась в памяти москвичей, отразилась в мемуарах, упомянута у Пушкина в «Капитанской дочке». Казнили Емельяна Пугачева. Все огромное пространство вокруг эшафота оцепили пехотные полки. Был лютый мороз, однако, по воспоминаниям И.И. Дмитриева, «кровли домов и лавок усеяны были людьми; низкая площадь и ближние улицы заставлены каретами и колясками». Пугачева привезли в высоких санях под конвоем кирасир. На эшафоте Емельян кланялся на все стороны: «Прости, народ православный, отпусти, в чем я нагрубил пред тобою...» В простонародной толпе многие сочувствовали мятежу, ждали вести о его помиловании. Но палач сделал свое дело. Пугачева обезглавили, четырех его соратников повесили здесь же, на Болоте. В тот день многих пугачевцев наказали кнутом, некоторым вырвали ноздри. По приказу Екатерины II тела казненных, эшафот и сани, на которых везли Пугачева, были сожжены.

Экзекуции проводились на Болоте и в XIX в. Уже не рубили головы, не сжигали, не вешали. В ход шли кнут, розги и шпицрутены. У Л. Толстого в «Войне и мире» есть эпизод, в котором Пьер Безухов становится свидетелем наказания на Болоте двух французов, обвиненных в шпионаже в пользу Наполеона, и под влиянием этого зрелища принимает окончательное решение выехать в действующую армию. За воинские преступления практиковалось «прогнание сквозь строй». Нередко оно заканчивалось смертью наказуемого. Здесь же, на Болоте, совершался бескровный, но унижающий обряд гражданской казни. Приговоренных дворян лишали прав перед отправкой на каторгу или в ссылку, в знак чего над их головой ломали шпагу. Во второй половине XIX в. место этих церемоний перевели на окраину, на Конную площадь, в район современной Мытной улицы.

Случались на Болоте и мрачные курьезы. Так, в XVII в. по повелению патриарха Иосафа здесь было сожжено пять возов музыкальных инструментов, отобранных у скомоходов и прочего народа, дабы не вводили православных в «бесовской соблазн». Но казни на Болоте были все же зрелищами нечастыми. В старину москвичи гораздо чаще собирались здесь, чтобы помериться силой и удалью в кулачном бою.

В 1701 г. близлежащий Государев сад погиб в огне очередного пожара. Петр I решил не восстанавливать его. Обширная площадь осталась незастроенной. Ее окопали дренажными рвами и валами. На этом Царицыном лугу напротив Кремля начали устраивать грандиоз-

ные празднества в честь коронаций монархов и военных побед. Толпы народа любовались здесь пышными фейерверками. Петр I, питавший настоящую страсть к «огненной потехе», в мае 1724 г. отметил ею коронацию своей супруги Екатерины. По свидетельству иностранного очевидца, великолепный фейерверк продолжался более двух часов – «не думаю, чтобы бывало на свете много подобных ему». Для подготовки зрелища на Царицыном лугу была устроена целая «ракетная лаборатория». Не менее пышное торжество по случаю своего воцарения устроила здесь весной 1742 г. и веселая императрица Елизавета Петровна. На Царицыном лугу не только праздновали и гуляли. В январе 1722 г. рабочие соседнего Скотного двора принесли здесь челобитье Петру I на притеснения «компанейщиков» – владельцев предприятия. И оно было частично удовлетворено – приговор на время поутих. Так что дух протеста витает над этими местами исстари.

В эпоху Петра I по краям Болота появились внушительные каменные постройки: Всехсвятский мост, Суконный и Винный дворы. А ближе к концу XVIII в. почти исчезают следы и самого природного болота. По древней старице прошел Водоотводный канал. Местность стала суше, удобнее для застройки, хотя по-прежнему часто заливалась половодьем. По старой памяти ее продолжали называть Болотом. В 1786 г. московский главнокомандующий Я.А. Брюс предложил создать здесь обширную благоустроенную рыночную площадь, «где до 6000 возов установиться может». В 1812 г., когда войска Наполеона входили в Москву, летучие казачьи отряды подожгли хлебные лабазы на Болоте, чтобы затруднить снабжение оккупантов.

После Отечественной войны площадь сохранила торговые функции. На рубеже 1830 – 1840-х гг. она была реконструирована. Московский генерал-губернатор Д.В. Голицын предложил облагородить кварталы, примыкавшие к строившимся храму Христа Спасителя и Большому Кремлевскому дворцу. Вдобавок в те годы велись масштабные работы по расширению и углублению Водоотводного канала, сделавшие его судоходным. Тяжелые барки могли теперь приставать к берегу прямо у Болотного рынка.

Главным сооружением обновленной площади стал каменный Гостиный двор, построенный в ампирном стиле по проекту ведущего московского зодчего той поры М.Д. Быковского. Это было огромное, открытое в сторону канала полукаре из трех монументальных корпусов лавок – одного протяженного и двух полукруглых в плане. Лавки-лабазы имели один и два этажа. Улица, проходившая вдоль северного корпуса Гостиного двора, так и называлась – Лабазной...

С другой стороны, вдоль берега канала, в 1860-х гг. на средства известного купца и общественного деятеля В.А. Кокорева был проложен первый в Замоскворечье бульвар. Он получил название Кокоревского и просуществовал до 1930-х гг. В начале XX в. на канале у Болотной площади появилась конечная пристань паровой прогулочной линии. Суда ходили отсюда вверх по реке до Бородинского моста.

Торговое Болото было одним из самых притягательных мест старой Москвы. Свой последний расцвет оно пережило уже в советские годы, в эпоху НЭПа. «В огромных лабазах – горы фруктов и зелени, на грязной площади у Москвы-реки толпятся возы с яблоками и сливой» – так писали в газетах 1920-х гг. Этот рынок называли «брюхо Москвы». Он считался дорогим и криминогенным: профессиональные карманники и просто беспризорники хозяйничали повсюду. Здешние же торговцы мнили себя белой костью, а один из юбилеев рынка даже отметили в театре Корша. Болото воспринималось как символ Москвы торговой. В 1920-х гг. планировалось построить здесь Центральный рынок. По проекту М.О. Барща и М.И. Синявского это должно было быть высотное здание лапидарных конструктивистских форм, парящее над Замоскворечьем, – своеобразный храм торговли.

Но новаторский проект так и остался на бумаге. С концом НЭПа заглохло и торжище. В лабазах разместились склады и общежития для рабочих-строителей Дома ЦИК – СНК

СССР. Когда в 1930-х гг. задумывалась вторая очередь этого жилого комплекса, Гостиный двор был разобран, чтобы освободить площадку под постройку, которая должна была занять всю Болотную площадь и прилегающие к ней кварталы. Но и этот проект осуществлен не был. Осталось лишь огромное пустое пространство.

Во время Великой Отечественной войны на площади стояла 7-я зенитная батарея 862-го зенитно-артиллерийского полка. В ночь с 1 на 2 декабря 1941 г. в результате прямого попадания немецкой бомбы погибло семеро ее бойцов, двенадцать было ранено. Дом, на крыше которого располагалась батарея, превратился в груды развалин.

В послевоенные годы Болотная площадь не раз фигурировала в планах московских градостроителей. Существовал, к примеру, проект строительства здесь, напротив Кремля, грандиозного Пантеона – мемориального комплекса советским вождям и героям. Всерьез обсуждалась также идея... затопить Болотную площадь, соединив здесь Москву-реку и Водоотводный канал в единую гладь километровой ширины. К счастью, обошлось и на сей раз. То, что удалось воплотить в реальность, оказалось скромнее и достойнее.



Памятник И.Е. Репину

В 1948 г. в ознаменование 800-летия Москвы на Болотной площади по проекту В.И. Долганова был разбит большой сквер. В его создании участвовали многие жители окрестных кварталов и учащиеся местных школ, до сих пор хранящие воспоминания об этом. Парадный вход в сквер с гранитными колоннами, вазами, шарами и чугунной литой решеткой спроектирован И.Д. Мильчаковым и В.Г. Крюковым. За ним – красивый фонтан, ставший позднее, в 1976 г., первым в Москве светомузыкальным. (Под ним просторное техническое подземелье, где установлено оборудование, а также хранятся лодочки для обслуживания «плавающих» фонтанов на Водоотводном канале.) Ансамбль Болотного сквера – скромный собрат таких памятников «Болотного стиля», отразивших и пафос Победы, и амбиции советской империи, как сталинские высотки, комплекс Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, станции Кольцевой линии метро... Все эти сооружения строились, казалось, на века. Но уже сейчас они ветшают, требуют срочного ремонта. Вот и монументальные пропилеи Болотного сквера утратили часть своего чугунного убранства, из парапетов выпадают гранитные блоки. Будто рассыпается в прах эпоха, претендовавшая на вечность...

Посреди паркового партера, где когда-то стоял пугачевский эшафот, с 1958 г. возвышается памятник И.Е. Репину – произведение советских классиков, ваятеля М.Г. Манизера и архитектора И.Е. Рожина. Фигура художника обращена к Лаврушинскому переулку и Третьяковской галерее, где хранится лучшая коллекция его работ. Памятник искусно выпол-

нен и удачно поставлен, но официален и холоден и особенной любви и даже известности у москвичей не снискал. Не прижилось прочно и название площади Репина, которое Болотная носила с 1959 по 1993 г. Оно теперь почти забыто. Все вернулось на круги своя.

А вот пешеходный мост, красиво выгнувшийся над Водоотводным каналом между памятником Репину и Лаврушинским переулком, хотя ныне и именуется официально Третьяковским, среди москвичей зовется не иначе как Лужковым. До недавнего времени так он значился и на многих картах Москвы. При московском мэре Ю.М. Лужкове развернулось лихорадочное строительство уникальных городских объектов разного назначения и качества. Оно способствовало столь же неоднозначной популярности «отца города» – его и хвалили, и хулили. Одной из новаций лужковского периода было сооружение пешеходных мостов, призванных не только улучшить сообщение между берегами, но и гуманизировать городскую среду, открыть горожанину и гостю красоту речных панорам. Первенцем здесь оказался мост на Водоотводном канале. Он был построен по проекту инженера А.О. Хомского, архитекторов Т.В. Антюфеева и Г.И. Копанс. Открытие состоялось в сентябре 1994 г. в День города. Это был один из первых «больших проектов» Лужкова и, не в пример другим, вполне достойный. Нет ничего удивительного в том, что мост в народе стал ассоциироваться с именем мэра. Неуклюжие попытки чиновников связать название с Царицыным лугом лишь подтверждали народную этимологию.

У Лужкова, или, если хотите, Третьяковского, моста есть своя предыстория, и весьма давняя. Два столетия назад почти на этом месте, чуть восточнее, в створе 1-го Кадашевского переулка, уже существовал деревянный мостик. В 1812 г. он сгорел. Позднее, в 1862 г., уже известный нам В.А. Кокорев, построил на замоскворецком бульваре огромное гостинично-деловое подворье и намеревался соединить берега реки мостом, но не успел. Не реализовался и проект, предложенный уже в советское время, в 1944 г., архитектором А.В. Щусевым, по которому пешеходный мост должен был соединить Болотную площадь и новое здание Третьяковской галереи.

Давняя мечта московских градостроителей сбылась лишь в конце XX в. Мост пересекает Водоотводный канал в его самом широком месте, где расстояние между берегами достигает 50 м. Стальная арка из конструкций, изготовленных в Воронеже, поднимается высоко над водой. Мост первоначально имел пышное скульптурное убранство работы неизменного З.К. Церетели, выполненное в металле. Фонари стилизованы под старину, фигурные решетки перил украшали медальоны с изображением исторического герба Москвы – святого Георгия, пронзающего копьём змия, а также атрибутов искусств. Однако эта роскошь недолго продержалась под натиском вандалов и любителей сувениров. У горельефного Георгия стали регулярно выдергивать копьё, из бронзовых палитр исчезали кисти. В конце концов вычурные медальоны просто демонтировали.

Зато на самом мосту и рядом с ним вдоль Болотной набережной за последнее время выросла целая аллея «деревьев любви и верности» – металлических конструкций, на которые новобрачные вешают «замочки на счастье», бросая ключи в канал. Эта свадебная традиция, как обычно, пришла к нам из-за границы. Считается, что зародилась она два десятка лет назад в Риме, где влюбленные стали вешать на перила и фонари Мульвиева моста замки, подражая героям романа Федерико Мочча «Три метра над небом». В Москве первым подвергся «замочному нашествию» Патриарший мост. Затем настала очередь Лужкова моста. Каждая свадебная процессия оставляла здесь свой замок, и вскоре узоры перил скрылись под толщей скобяных изделий. Их срезали рабочие городской службы, но по ночам они появлялись вновь. Тогда власти прибегли к заграничному опыту и поставили на Лужковом мосту специальную конструкцию, придав ей облик дерева, что является уже отечественным ноу-хау. «Деревья любви и верности» с тех пор размножились. Если так пойдет дальше, когда-то существовавший на Болотной набережной Кокоревский бульвар возродится в металле.

Правда, зрелище это едва ли порадует глаз. Многие замки уже порыжели от коррозии, словно пожухлые листья, будто опровергая пословицу «Старая любовь не ржавеет».



Лужков мост с «деревьями любви и верности»

Несколько лет назад на сходах Лужкова моста со стороны Кадашевской набережной установили бронзовую «Скамью примирения», устроенную так, чтобы садящиеся на нее невольно приникали друг к другу. Идея скульптурной композиции-аттракциона все та же – укрепление семейных и романтических уз. У Лужкова моста репутация самого сентиментального моста Москвы. Здесь же, под пролетом, пристань, откуда отправляются в путешествие вокруг Острова прогулочные катера.

Главная аллея сквера на Болотной площади, открываясь парадным входом и фонтаном, через три сотни метров завершается скульптурной композицией «Дети – жертвы пороков взрослых», созданной известным скульптором Михаилом Шемякиным и подаренной им Москве. Ее появление здесь сопровождалось бурной полемикой среди московской общестственности. Когда проект композиции был обнародован, многие ценители искусства и ревнители московской старины сочли ее идейно и художественно несостоятельной, разрушающей историческую среду Болотной площади. Местные жители боялись, что монстры, рожденные изощренной фантазией мастера, будут пугать гуляющих в сквере детей. Предлагалось установить дар Шемякина в парке искусств «Музеон» на Крымской набережной. Но у именитого автора были и многочисленные и, главное, влиятельные поклонники, в том числе и тогдашний мэр. Коллективные письма протестантов – деятелей искусств и обычных москвичей, выступления в СМИ и даже некоторых депутатов Мосгордумы, боровшихся против градостроительного произвола, ни к чему не привели. В очередной День города в сентябре 2001 г. монумент торжественно открыли.

Сегодня очевидно: и страхи, и восторги были явно преувеличены. Градостроительной катастрофы на Болотной не произошло. Современных же детей скопище монстров не пугает, а лишь забавляет. Но ни художественным откровением, ни первостатейной туристической достопримечательностью, как обещал автор, монумент не стал. Не так уж часто «якиманские аборигены» слышат на улице сакраментальный вопрос: «А где тут памятник порокам?» Предостерегающий идейный посыл произведения Шемякина, похоже, мало кто слышит. Пороки в образе чудищ – «Наркомания», «Проституция», «Воровство», «Алкоголизм», «Невежество», «Лжеученость», «Равнодушие», «Пропаганда насилия», «Садизм», «Эксплуатация детского труда», «Нищета» и «Война», обступившие мальчика и девочку, играющих с завязанными глазами вокруг стопки книг, – благополучно здравствуют не только в образной реальности. Некоторые из них вольготно чувствуют себя на Болотной, где кипит бурная ночная и отнюдь не всегда безгрешная тусовочная жизнь. Местные жители постарше боятся выходить сюда после наступления темноты.

Каждый год весной, а в советское время и осенью широкая набережная Водоотводного канала у Болотной площади становится репетиционной площадкой военных парадов. Здесь гремит оркестр, чеканят шаг те, кто 9 мая будет проходить под стенами Кремля. На Болотной, продолжая традиции Царицына луга, часто проводятся гулянья, концерты, шоу. Но самую громкую, поистине всемирную известность ей принесли многотысячные митинги и манифестации последнего времени. Болотная стала именем нарицательным, символом протестного движения, что, впрочем, тоже вписывается в ее историческую традицию...



Скульптурная композиция «Дети – жертвы пороков взрослых»

Старинные кварталы между Всехсвятской (Серафимовича) улицей и Балчугом составляют старомосковский район Средние Садовники. Его речной фасад – **Софийская набережная**. Путь до нее от Болотной площади идет вниз по улице Серафимовича мимо знакомого нам углового «дома-путешественника» и запущенного сквера на месте давно снесенных зданий. Софийская набережная лежит прямо напротив Кремля, с нее открывается изумительный вид на его стены и башни, соборы и дворцы. Панорама же Замоскворечья с кремлевского холма, на переднем плане которой – Софийская набережная, всегда воспринималась и русскими людьми, и иноземными как зримый образ самой России. Красота эта еще не растворилась без остатка в современном каменном хаосе мегаполиса...

Софийская набережная... Немного найдется в столице мест, которые сохранили в такой полноте и подлинности облик старой Москвы, какой была она век назад, до начала великих реконструкций. Здесь практически нет домов моложе. Самому же древнему зданию – храму Святой Софии Премудрости Божией, давшему имя набережной, уже больше 350 лет. Археологические находки и вовсе уведут в бездну прошлого. В 1931 и 1999 гг. на Софийской набережной были найдены каменные шлифованные топоры бронзового века. Во времена первых московских государей все пространство от Москвы-реки до ее болотистой старицы занимал Великий луг – кормовые угодья для великокняжеских лошадей. С XIV в. местность начала постепенно застраиваться, стало формироваться новое московское предместье – Заречье, его население росло в том числе и за счет «сведенцев» – насильственно переселенных в Москву жителей присоединенных к ней земель – купцов, бояр, ремесленников. Так здесь оказались и новгородцы. Есть предположение, что они-то и поставили около 1488–1489 гг. в Заречье деревянный храм Святой Софии в память о главной святыне Великого Новгорода – Софийском соборе. Существует и другая версия. Она связывает строительство храма за Москвой-рекой со стремлением великого князя Ивана III, женатого на византийской принцессе Софье Палеолог, подчеркнуть духовно-политическую преемственность Москвы от Константинополя с его знаменитым собором Святой Софии.

После страшного пожара 1495 г., затронувшего и Заречье, Иван III повелел на расчищенном от сгоревших построек пепелище «чинить сад». Тем самым решалось сразу

несколько задач: создавался оборонительный плацдарм перед новой кремлевской цитаделью, незастроенное пространство сберегало сплошь деревянный город от распространения огня, а великокняжеский двор получал надежный источник снабжения плодоовощной продукцией. В Государевом саду, вероятно, произрастали не только привычные культуры – яблони, вишни, груши, смородина, крыжовник, но и ныне экзотические дыни, которые москвитяне умели прекрасно выращивать даже в суровом климате на особых высоких, обильно унавоженных грядках. Некоторые исследователи древнерусской архитектуры, в частности М.П. Кудрявцев, указывают на особое градостроительное значение Государева сада. Он воплощал представления православных людей того времени о рае, символизировал посвящение Русской земли Богородице, уподоблял Москву небесному граду – Горнему Иерусалиму. Судя по планам столицы рубежа XV–XVII вв., Государев сад был обнесен деревянной оградой с островерхими воротами на восточной стороне, имел четкую регулярную планировку. В центре его возвышался Софийский храм. Известно также о царских палатах в саду.

Два столетия эта лепота услаждала взоры тех, кто смотрел с кремлевских высот за реку. В 1701 г. очередной пожар, перекинувшись из Кремля, уничтожил слободы садовников и сам Государев сад. Петр I не стал его восстанавливать. В XVIII в. берег Москвы-реки здесь вновь застраивается. Царских садовников потеснили знать и купечество. Место стало престижным. Строительство каменной набережной напротив Кремля предусматривалось еще «Проектированным планом» Москвы, утвержденным Екатериной II в 1775 г. Но в 1780-х гг. соорудили по проекту В.И. Баженова только деревянные подпорные стенки. Набережная была так узка, что допускала лишь одностороннее движение экипажей. В 1812 г. почти все строения на ней пострадали от великого московского пожара. Их довольно быстро восстановили, за исключением одного дома, который лежал в руинах еще несколько десятилетий.

В 1832–1836 гг. Софийская набережная была реконструирована под руководством военных инженеров Н.И. Яшина, затем А.И. Дельвига (двоюродного брата поэта – лицейского друга Пушкина). В русле реки вдоль берега были поставлены в два яруса каменные своды, закрытые каменной подпорной стенкой. Поверху проложили проезд. Общая ширина набережной достигла 20 м. В XIX – начале XX в. на Софийской набережной появились и новые солидные здания, придавшие ей парадный вид, и промышленные предприятия. В советское время, в 1930-х гг., набережная чуть было не пала жертвой коренной реконструкции. Предполагалось, что значительную часть ее от Большого Каменного моста до Фалеевского переулка займет 2-й Дом ЦИК – СНК СССР. Проект этот не был осуществлен, но без потерь не обошлось. Строй старинных домов набережной укоротился после того, как при строительстве новых мостов – Большого Каменного и Большого Москворецкого – снесли несколько строений. Облик некоторых уцелевших подвергся искажениям. А в 1964 г. само на звание «Софийская набережная» исчезло с карты Москвы, на которой теперь значилось – «набережная Мориса Тореза». Переименование состоялось по случаю кончины председателя Французской компартии, никак не связанного жизнью и деятельностью с этим местом. Лишь в 1992 г. набережной вернули исконное название. Имя Мориса Тореза осталось только на гранитной доске, установленной в честь переименования на доме № 26.

Некогда Софийская набережная начиналась на углу со Всехсвятской улицей уже известной нам часовней Николо-Берлюковского монастыря. Она и несколько соседних зданий были снесены в 1930-х гг. при возведении нового Большого Каменного моста. Сейчас набережная открывается скромным двухэтажным домиком (№ 6), затянутым в строительную сетку. Он был построен в 1895 г. архитектором А.М. Калмыковым для кондитерской фирмы «Эйнем». Ей же принадлежало еще несколько разновременных построек на этом участке, причудливо сросшихся в сложный конгломерат, с узким двором и живописной террасой. В конце 1990-х гг. исследователь якиманской старины О.Р. Шмидт писала: «Этот полуразрушенный ныне комплекс можно очень красиво обустроить, превратив двор-кори-

дор в пассаж под стеклянной крышей и выявив все сохранившиеся необычайные архитектурные детали. Будем надеяться, что так и произойдет». Но надежды не оправдались. В 2000 г. опустевшее здание начали сносить. При разборке открылись фрагменты древних палат, возможно, XVII в. – детали оконных наличников нарышкинского стиля, остатки крыльца. Предположительно именно отсюда некогда открывалась та замечательная панорама Кремля и окрестностей, которая запечатлена на хрестоматийной гравюре П. Пикарта и И. Бликланта «Росейская столица Москва», изданной в 1707–1708 гг. Вероятно, Питер Пикарт – голландский художник, ставший одним из основоположников русской гравировальной школы, работавший по приглашению Петра I в Оружейной палате, в Московской, а затем Санкт-Петербургской типографиях, – рисовал этот вид с крыльца либо из окна палат. Обнаружение их стало настоящим открытием. Однако 13 ноября 2000 г. «палаты Пикарта» неожиданно и загадочно обрушились. Руины тут же были расчищены. Утрату уникального памятника московская общественность восприняла как пример пренебрежительного отношения к культурному наследию со стороны столичных властей. Сегодня существует проект воссоздания «палат Пикарта». Но это будет всего лишь копия...

История участка, на котором они стояли, прослежена О.В. Купцовой. В XVIII в. он неоднократно менял владельцев. В 1800 г. подполковник А.А. Гиршфельд значительно перестроил древние палаты. Следующий владелец, И.Л. Буржуа, сдавал усадьбу в аренду коммерции советнику И.И. Лажечникову – отцу знаменитого исторического романиста. В 1812 г. дом пострадал от пожара и был восстановлен уже Ф.Н. Старшиновым. В 1866 г. владение приобрела Каролина Карловна Эйнем, супруга уже знакомого нам кондитерского фабриканта, который перевел сюда производство и поселился сам. Следующим хозяином дома на Софийской набережной стал его компаньон Ю. Гейс. При нем здание перестраивалось и достраивалось. На первом этаже помещалось правление фирмы, на втором была хозяйственная квартира с теплыми и уютными комнатами, красивым залом, зимним садом. Из окон открывался вид на Кремль. В доме хранилась коллекция картин и гравюр с видами Москвы, собранная сыном хозяина Владимиром Гейсом. Кондитерская фабрика существовала на Софийской набережной до 1920-х гг. Позднее здесь помещался техникум.



Софийская набережная, 10

Пока идут разговоры о сооружении муляжа «палат Пикарта», рядом приходит в упадок подлинник московской старины. Его адрес – Софийская набережная, 8 – 10. Здесь, на москворецком берегу напротив Кремля, в глубине запущенного сада тихо коротает свой уже не первый век изрядно обветшавший дом со «знаком породы». Он давно нуждается в реставрации и, будем надеяться, ее дождетсЯ. А пока обратимся к... истории. Издавна здесь, у Каменного моста, селились люди богатые, знатные, близкие к царскому двору. Место было престижным. К примеру, в начале XVIII в. в здешних дворовладельцах числился Сер-

гей Лопухин – двоюродный брат царицы Евдокии Федоровны – нелюбимой жены Петра I, сославшего ее в монастырь. Потом усадьба по родству перешла Шереметевым. По соседству обосновался духовник Петра Великого Тимофей Надаржинский, которому священнический сан не помешал стать несметным богачом. Позднее хозяином этого двора был гофмаршал Д. Шепелев. Наконец, в середине XVIII в. владения соединились в руках президента Ревизион-коллегии Василия Еропкина. Именно при нем, как полагают исследователи, и был возведен двухэтажный каменный дом – основа существующего ныне здания.

В 1776 г. усадьба принадлежала уже А.Н. Зубову, отцу будущего фаворита Екатерины II Платона Зубова. При нем после 1789 г. дом был капитально перестроен, получил третий этаж и фасад в стиле зрелого классицизма. Его украсил увенчанный фронтоном четырехколонный портик, по сторонам которого стояли две скульптуры. Подобный прием был ранее использован в знаменитом доме Пашкова, авторство которого приписывают В.И. Баженову. А потому существует версия, что и к созданию дворца за Москвой-рекой великий зодчий приложил руку. Тем более что жил он по соседству – на Софийской набережной. Однако, как выяснила О. Купцова, чертеж фасада подписал архитектор Семен Карин, отметив: «Сия фасада произведет к городу и наипаче к берегу Москворецкому украшение...» После смерти в 1795 г. А.Н. Зубова усадьба перешла к генерал-майору А.З. Дурасову. Он и его потомки владели ею дольше всех хозяев – до 1842 г. Помимо главного дома в усадьбе были служебный корпус и два флигеля по линии улицы, один из которых сохранился донныне в составе дома № 10.

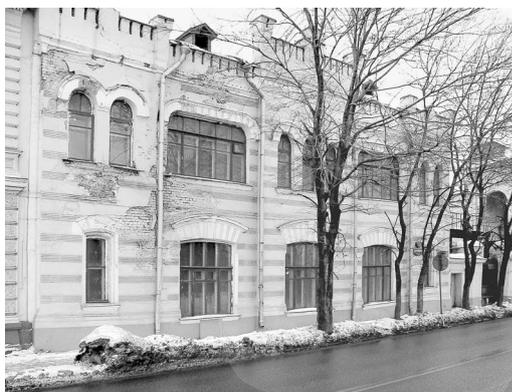
В 1812 г. усадьба Дурасовых пострадала во время великого московского пожара, но после войны была восстановлена в прежнем блеске, хотя и с некоторыми изменениями. Ее знала вся Первопрестольная. Каждый, кто любовался изумительным видом из Кремля на реку, невольно останавливал взор на самом большом и красивом здании Софийской набережной.

Но барской усадьбе суждено было еще переменить и судьбу, и лицо. В 1860 г. ее приобретает Дамское попечительство о бедных. Эта благотворительная организация, немало потрудившаяся на ниве просвещения и воспитания детей из малоимущих слоев общества, переводит на Софийскую набережную свое Мариинское училище, основанное еще в 1851 г. и готовившее домашних учительниц. Начинается перестройка здания в соответствии с его новым назначением и тогдашней архитектурной модой. В результате дворец теряет прежнюю классическую цельность и выразительность. Вместо полнокровного портика, обрамленного статуями, он приобретает эклектичный, архитектурно не слишком внятный фас с плоскими пиластрами, оконными наличниками «под барокко» и игривыми фигурными фронтонами. В восточной части здания над училищной больницей по проекту И.П. Миронова сооружается домовый Введенский храм. Церковная глава с крестом, вознесшаяся над крышей, окончательно сместила акценты композиции дома. Впрочем, и в таком виде он не испортил здешний пейзаж. Отделывали интерьер церкви резчик П.А. Астафьев, создавший иконостас, живописцы Алмазов и Егоров, исполнившие иконы и росписи. Освящение храма состоялось 28 апреля 1863 г. Мариинское (в 1856–1869 гг. – Мариинско-Ермоловское) училище пользовалось доброй репутацией, давало основательное и качественное образование. В последний период его существования в него могли поступать с десяти лет девицы всех сословий христианского вероисповедания. Те, кто уже окончил гимназию, принимались в старшие классы. Полный курс был рассчитан на восемь лет. В училище имелся пансион для постоянного проживания. Плата за обучение взималась умеренная, выпускницы ценились высоко и без работы не оставались. Даже в Москве редкое учебное заведение могло похвастать таким составом преподавателей, среди которых были видные университетские профессора. Так, должности классных инспекторов занимали правовед Н.П. Боголепов, филолог Ф.И. Буслаев, биолог А.А. Тихомиров, другие светила науки. Гордостью училища всегда

оставался музыкальный класс. Его опекал сам Н.Г. Рубинштейн, преемником которого стал знаменитый музыкант, профессор консерватории А.И. Золоти. Учителями в музыкальном классе служили А.И. Дебюк и С.В. Рахманинов. По воспоминаниям воспитанницы училища М.Л. Челищевой, Сергей Васильевич тяготился преподавательской работой, держался сухо и замкнуто, но своих подопечных любил, иногда играл для них сам или в дуэте с прекрасными музыкантами, такими как пианист А.Б. Гольденвейзер, виолончелист А.В. Вержбилович. Для училища Рахманинов написал в 1895–1896 гг. шесть песен для хора с фортепиано на стихи Лермонтова, Некрасова, К. Р. (Константина Романова). В музыкальной биографии дома есть и эпизод, связанный с П.И. Чайковским. Его брат Анатолий венчался в училищной Введенской церкви с Прасковьей Коншиной из семьи известных фабрикантов.

Судя по всему, воспитанницам Мариинского училища жилось на Софийской набережной вольготно: они могли гулять в тенистом саду и посещать летом купальню, выстроенную для них на Москве-реке. В 1895 г. в этих стенах было торжественно отмечено 50-летие деятельности Дамского попечительства о бедных. На богослужении во Введенской церкви, которое вел сам митрополит Московский Сергей, присутствовали генерал-губернатор Первопрестольной великий князь Сергей Александрович и его супруга великая княгиня Елизавета Федоровна – знаменитая благотворительница, впоследствии новомученица.

После революции Мариинское училище упразднили. Но старый дом продолжал служить делу народного просвещения. В нем разместилась школа № 19 первой ступени имени В.Г. Белинского. Здание вновь подверглось переделке: снесли главу закрытой Введенской церкви, перестроили некоторые интерьеры. Но многое еще долго оставалось на своих местах, как, например, рахманиновский рояль. В школе № 19 учились многие жители Якиманки. Она стала основной для детей Дома на набережной. Первоначально большинство из них учились на другом берегу Москвы-реки, в Обыденском переулке в Московской опытно-показательной школе-коммуне имени П.Н. Лепешинского. Ходили туда всегда пешком – развозить чад на машинах тогда не было принято в среде высшей советской номенклатуры. Но когда старый Большой Каменный мост снесли, а новый построили восточнее, путь стал в несколько раз длиннее. Тогда детей начали переводить в близлежащую 19-ю школу, о которой шла добрая молва. Среди тех, кто учился на Софийской набережной, немало ярких личностей. Это и Герой Советского Союза, сын легендарной Пассионарии Рубен Ибаррури, и писатель Юрий Трифонов, и музыкант Андрей Макаревич... В 1967 г. школа покинула стены старого особняка и переехала в стандартное здание неподалеку, в Кадашах. Дом же на Софийской набережной облюбовали организации. Наконец, в начале XXI в., съехали и они. Дом опустел. Что ж, в судьбе почти каждого старинного московского дома бывали трудные времена. Есть надежда, что в данном случае они благополучно закончатся и в ожерелье Кремля вновь засияет жемчужина.



Софийская набережная, 12

Продолжим наше путешествие по Софийской набережной. Два небольших здания под общим номером 12 – все, что осталось сегодня от некогда крупного предприятия, на славу потрудившегося для Москвы и России. В 1863 г. молодой инженер и предприниматель Густав Лист, родившийся в Германии в семье букиниста, обучавшийся в Америке, успевший уже поработать на сахарном заводе под Воронежем, где он создал первую в России добровольную пожарную дружину, обосновался в Москве. Здесь он открыл на углу Петровки и Кузнецкого Моста мастерскую по производству средств пожаротушения. Вскоре его ручные насосы получили первую награду – золотую медаль Русского технического общества. Спрос на подобную продукцию в стране, страдавшей от пожаров больше, чем от войн, был огромен. Но мастерская сгорает – стихия, казалось, мстит тому, кто вознамерился ее обуздать. Тогда-то, получив солидную страховую выплату, Г. Лист в 1872 г. начинает обустройство нового завода на Софийской набережной. В тот год вокруг Кремля и на других московских площадках была развернута грандиозная Политехническая выставка. Густав Лист поразил тогда публику, в том числе августейших особ, впечатляющей водяной феерией на Москверекe с использованием брандспойтов и насосов своей фирмы. В результате он получил разрешение на организацию мощного литейного производства прямо напротив Кремля. Сам хозяин с семьей поселился при заводе. Изящный особняк Г. Листа с угловой лоджией в стиле неоренессанса и сейчас стоит по правую руку от старых заводских ворот. С другой их стороны красуется инженерный корпус в духе средневековой готики. Этот парадный, лицом к Кремлю, фасад завода впоследствии украсили чугунные фигуры кузнеца и литейщика над воротами, выписанные из Германии. В образе кузнеца многие узнавали самого Густава Ивановича. Территорию в глубине квартала занимали цеха. Здесь были литейная и котельная с высокой дымовой трубой. Соседство промышленных объектов с Кремлем тогда не слишком шокировало москвичей. Иными даже воспринималось как символ новой индустриальной эпохи, новой эстетики. «Что украшает город? – вопрошал Велимир Хлебников. – На пороге его красоты стоят трубы завода. Три дымящихся трубы Замоскворечья напоминают подсвечники и три свечи, невидимые при дневном свете».

Завод Густава Листа стал первым в России массовым производителем современных средств пожаротушения. До 1913 г. им было выпущено 85 тысяч пожарных труб разных конструкций. Завод оказался пионером в производстве паровых труб. Его продукцию знали и ценили в России и Европе, более 100 раз отмечали престижными отечественными и зарубежными наградами. А скольким москвичам она спасла жизнь, сохранила кров!

Густав Лист хорошо чувствовал пульс времени. Он содействовал распространению в России телефона, совершенствованию способов добычи нефти. Именно он в 1883 г. во время коронации Александра III устроил небывалую в Москве электрическую иллюминацию Кремля. Зрелище повторилось и в 1896 г., когда короновался Николай II. Г. Лист финансировал эксперименты молодого П. Лебедева, будущего выдающегося физика. Умер предприниматель в 1913 г. и похоронен на Введенском (Немецком) кладбище. Фирма перешла к сыновьям-наследникам Николаю и Александру. Во время Первой мировой войны она выпускала артиллерийские снаряды, спасая русскую армию от губительного «снарядного голода». Но антигерманские погромы, вспыхнувшие в 1915 г., не обошли стороной и завод на Софийской набережной. Немецкие фамилии владельцев действовали на толпу как красная тряпка на быка.

Но в целом предприятие было вполне успешным. Рабочие неплохо зарабатывали, бесплатно получали на обед чай, сахар и хлеб.

Для них устраивались походы в музеи, театры, в цирк. В 1904 г. в честь 40-летия работы в фирме старейшего токаря Д.Н. Мельникова было даже устроено большое празднество с

банкетом, подношением «ударнику капиталистического труда» адресов и подарков и выставлением его портрета на Доске почета в заводской конторе.

Тем не менее рабочие Густава Листа отличались социальной активностью: еще в 1897 г. они добились сокращения рабочего дня, в 1905 г. бастовали, дрались с войсками на баррикадах, а в 1917 г. организовали красногвардейский отряд и перестреливались через реку с юнкерами в Кремле. Большевистским вожаком на заводе был К.В. Островитянов, будущий вице-президент Академии наук СССР. Обучался ремеслу здесь и юный Константин Паустовский, не будучи еще знаменитым писателем.

После революции предприятие всегда оставалось передовым, не раз меняло профиль деятельности и название (Завод № 5, «Гидрофилтър», «Красный факел», Экспериментальный завод ВНИИ Холодмаш). Во время Великой Отечественной войны на фронт ушло свыше 600 работников завода, из которых около 400 погибли и пропали без вести, одному – Н.В. Новожилову – было присвоено звание Героя Советского Союза. «Красный факел» выпускал тогда боеприпасы, детали для стрелкового оружия и гвардейских минометов – «катюш». В послевоенные годы его продукция – это главным образом холодильное оборудование.

В начале XXI в. во исполнение программы вывода предприятий из центра Москвы завод покинул Софийскую набережную. Кроме двух упомянутых зданий, все остальные его сооружения пошли под снос. Сняли с ворот и фигуры кузнеца и литейщика. По некоторым сведениям, они сейчас в запасниках Третьяковской галереи. Другую реликвию – пожарный колокол – завод увез на новую площадку. Освободившаяся территория на Софийской набережной была зарезервирована для многофункционального комплекса. Ее уже исследовали археологи, обнаружившие несколько интересных находок – шлем-«мисюрку», подвески в виде топориков, иконки, остатки белокаменных фундаментов...

Начавшиеся было на Софийской набережной, 12 строительные работы вскоре заглохли, и уже больше десятка лет в самом центре Москвы напротив Кремля зияет огромный, поросший бурьяном пустырь. Дальнейшая судьба этого места пока неясна.



Софийская набережная, 14

Следующий адрес на нашем пути, Софийская набережная, 14, известен всему дипломатическому миру. Здесь много лет располагалось посольство Великобритании, ныне это резиденция английского посла. Но и в старой Москве импозантный особняк напротив Кремля знали хорошо как одно из самых гостеприимных и роскошных купеческих гнезд – дом Харитоненко. Историю этого владения подробно описал в своей книге «Остров» известный москвовед С.К. Романюк.

В XVIII в. здесь была усадьба Авраама Навроцкого. В 1781 г. его сын продал ее Аграфене Лукиничне Баженовой, супруге великого архитектора Василия Ивановича Баженова. Усадьба состояла из каменного двухэтажного дома, деревянных служебных построек и фруктового сада. Места эти были хорошо знакомы и, вероятно, любимы зодчим. Ранее он

несколько лет прожил на той же набережной, там, где сейчас владение № 34. С Замоскворечьем, Якиманской частью, Василия Баженова связывало многое. Панорама этих мест всегда была у него перед глазами, когда он еще мальчиком жил в Кремле с отцом – сельским священником, переведенным в одну из кремлевских церквей. Получив практику на московских стройках под руководством Д.В. Ухтомского, побывав студентом новорожденного Московского университета, окончив Санкт-Петербургскую академию художеств, усовершенствовав свои таланты и навыки за границей, став там профессором Римской и членом Флорентийской и Болонской академий, Баженов с триумфом вернулся на родину настоящим мастером, исповедовавшим новый общеевропейский архитектурный стиль – классицизм. Когда в 1770-х гг. по проекту зодчего в соответствии с волей императрицы Екатерины II развернулись грандиозная реконструкция Кремля и строительство там невиданного дотоле в мире дворца, зодчий впервые поселился на замоскворецком берегу прямо напротив стройки. Но вскоре она заглохла.

Когда через несколько лет архитектор вернулся в эти края, приобретя на имя жены усадьбу Навроцких, он работал над другим масштабным проектом – строительством дворца в Царицыне. Неудачным оказалось и это дело. Несмотря на крах самых заветных начинаний, Баженов смог обессмертить свое имя. Ему приписывается и ряд великолепных построек в Якиманской части. Это и трапезная и колокольня храма иконы Богородицы «Всех скорбящих радость» на Большой Ордынке, и особняк аптекаря Вольфа в начале Большой Полянки, ныне не существующий, и дом с пилястровым портиком на той же улице напротив. По проекту Баженова сооружалась деревянная набережная напротив Кремля. Нелишним будет упомянуть, что Василий Иванович был женат на дочери здешнего замоскворецкого купца Долгова.

В 1793 г. Баженовы продают усадьбу чиновнику Межевой канцелярии М.А. Замятину. Потом она переходит к А.П. Глазовой. У нее в 1809 г. усадьбу приобретает купец 1-й гильдии Н.Л. Стариков. На рисованной панораме Замоскворечья 1807 г. главный дом изображен с шестиколонным ионическим портиком и лепниной на фронте. В 1812 г. усадьба, как и все вокруг, сгорела, затем перестраивалась. К середине XIX в. дом уже потерял колонны и лепнину, зато приобрел балкон. Следующим хозяином усадьбы был купец 1-й гильдии А.М. Тарасов. От него-то она и перешла к Ивану Герасимовичу Харитоненко – выходцу из малороссийских крестьян, сколотившему огромное состояние на производстве сахара из свеклы и снискавшему широкую известность благотворительностью – строительством церквей, больниц, богаделен, детских приютов. Сам он, правда, предпочитал жить не в Москве, а на родной Сумщине. Наследник его сахарной империи Павел Иванович Харитоненко расширил и усовершенствовал семейное дело, за труды свои получил потомственное дворянство. Он крепко обосновался в Белокаменной. Знаком его возросшего социального статуса стал великолепный особняк на Софийской набережной, возведенный в 1891–1893 гг. по проекту В.Г. Залесского и отделанный Ф.О. Шехтелем.

Усадьба сохранила прежнюю композицию, традиционную для старой Москвы. Главный дом с парадным подъездом и балконом, расположенный в глубине участка, богато украшен лепниной, его центральный ризалит увенчан затейливым фронтоном «под барокко», оформлен двойными полуколоннами. Парадный двор фланкируют два флигеля и ограждает красивая решетка с воротами, на которых и сегодня можно увидеть старинные таблички с номером дома и именем хозяина. Поистине роскошны интерьеры особняка, сохранившиеся до наших дней. Парадный вестибюль с красивой лестницей, картинная галерея (ныне столовая), танцевальный зал, гостиные отделаны резным деревом, декорированы гобеленами и картинами, обставлены стильной мебелью. Обращают на себя внимание прекрасные каминные и росписи потолка работы французского художника Ф. Фламенга.

В своем московском доме П.И. Харитоненко жил на широкую ногу – принимал многочисленных гостей, давал светские приемы, устраивал музыкальные вечера. По примеру дру-

гих тогдашних предпринимателей он покровительствовал искусствам. В особняке на Софийской набережной Харитоненко собрал неплохую коллекцию живописи – более 130 полотен русских и зарубежных художников. Ее жемчужинами считались «Неизвестная» И.Н. Крамского, работы Коро и Добиньи. Собирал Павел Иванович и древнерусскую иконопись. В доме висели портреты членов семьи Харитоненко кисти лучших мастеров – В.А. Серова, М.В. Нестерова, Ф.А. Малявина, К.А. Сомова. Люди искусства были желанными гостями в особняке на Софийской набережной. Здесь пел Шаляпин, танцевали Гельцер и Мордкин, играл на фортепиано Скрябин... И конечно, здесь перебивала вся деловая, светская и чиновная Москва.

В 1914 г. Павел Иванович Харитоненко скончался и был похоронен в сумском имении Натальевка. Его вдова Вера Андреевна, сын Иван, дочери Елена и Наталья после революции эмигрировали. Весной 1918 г. дом на Софийской набережной заняли было анархисты под водительством легендарного Мамонта Дальского, которого вся Россия знала как блестящего театрального актера. В те дни его единомышленники оккупировали двадцать пять особняков по всей Москве. По этому поводу председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский тогда высказывался в интервью «Известиям»: «Они выбирали стратегические пункты как раз против всех наиболее важных советских учреждений города, поэтому мы имели основание предполагать, что якобы анархическими организациями руководит опытная рука контрреволюции». Теперь у себя под носом опасных и хорошо вооруженных конкурентов большевики дольше терпеть не могли и апрельской ночью провели против них спецоперацию. Анархистов выбили из всех особняков, в том числе из дома Харитоненко, смотревшего окнами прямо на резиденцию советского правительства – Кремль. На Софийской набережной все закончилось без кровопролития, а вот на Донской улице пришлось даже прибегать к артиллерийскому обстрелу.

В 1918–1919 гг. в бывшем особняке Харитоненко находилась миссия Датского Красного Креста, занимавшаяся репатриацией военнопленных Первой мировой войны. Так началась богатейшая международная биография дома. Вскоре он перешел к Народному комиссариату по иностранным делам. Художественную коллекцию Харитоненко распределили по разным музеям, большая и лучшая часть картин оказалась в Третьяковке. В роскошных апартаментах на Софийской набережной разместились Дом приемов и гостиница Наркоминдела. Здесь жили нарком М.М. Литвинов с супругой-англичанкой, его заместитель Л.М. Карахан, знаменитая революционерка и феминистка, первая женщина-дипломат А.М. Коллонтай. В доме останавливались виднейший турецкий политик Энвер-паша, афганский король Аманулла-хан, английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, написавший тогда книгу «Россия во мгле», одиозный американский бизнесмен Арманд Хаммер, иностранные врачи, лечившие Ленина...

В 1931 г. особняк напротив Кремля передали посольству Великобритании, зримо подчеркнув таким образом широкое международное признание СССР. С тех пор это один из центров мировой дипломатии. Особую историческую важность он приобрел в годы Второй мировой войны, когда Советский Союз и Великобритания оказались союзниками по антигитлеровской коалиции. Во время своих визитов в Москву на Софийской набережной бывали премьер-министр Черчилль и министр иностранных дел Иден. Сталин лишь один раз, в октябре 1944 г., посетил английское посольство. Впрочем, в послевоенные годы советские лидеры не чурались визитов сюда. Здесь были и Хрущев, и Косыгин, и Микоян. И конечно, особняк на набережной видел всю общественно-политическую элиту Великобритании. В 1994 г. старинный московский дом удостоился посещения английской королевы Елизаветы II и ее супруга герцога Эдинбургского.

Не так давно главный офис посольства переехал в новое здание на Смоленской набережной. Особняк на Софийской набережной остался резиденцией посла и был тщательно отреставрирован. На общем, не слишком ухоженном фоне набережной, среди грязнова-

тых фальшфасадов, он выглядит как сказочный дворец. Аккуратно обновлено и соседнее двухэтажное на высоком цоколе здание (№ 16), которое также принадлежит дипломатической миссии Великобритании. Оно продолжает «сладкую» тему в истории Софийской набережной, где соседствуют старая фабрика «Эйнем», завод и дом Густава Листа – бывшего механика на сахарном производстве, открывшего сахарный склад и на территории своего машиностроительного предприятия, наконец, особняк Харитоненко. Дом № 16 некогда принадлежал другой крупнейшей семье сахарозаводчиков – Терещенко. Из нее, в частности, вышел известный предприниматель, государственный и общественный деятель М.И. Терещенко. Во Временном правительстве он занимал пост министра иностранных дел. (Это уже к дипломатической истории Софийской набережной.) Дом был построен в 1844 г., затем перестроен в 1868 г. в духе эклектики. До этого здесь много лет стояли руины старинного здания, сгоревшего в московский пожар 1812 г. Их долго не восстанавливали, поскольку существовал план прокладки здесь переулка с набережной на Болото. В конце концов проезд так и не открыли, развалины же расчистили и отдали под новую застройку.



Харитоненко Павел Иванович

Далее по набережной – череда фальшфасадов, скрывающих под строительной сеткой старинные здания. Дом № 18 восходит к допожарному времени, в 1825 г. им владела княгиня Н.Л. Облонская. Последнее здание принадлежало купцам, не раз перестраивалось – в 1830–1840-х гг., в 1861 г. Соседний дом № 20 появился около 1885 г. До этого здесь стоял симпатичный одноэтажный деревянный особнячок с четырехколонным портиком, построенный в 1821 г. и принадлежавший мещанину Якову Сивову. Такими домиками с типовыми ампирическими фасадами обильно застраивалась возрождавшаяся после наполеоновского нашествия Москва.

Прекрасный образчик этой послепожарной застройки сохранился по соседству. Дом № 22 был построен около 1816 г. для купца И.Г. Лобкова, возможно, на основе каменного флигеля большой усадьбы, распавшейся к тому времени на несколько владений. Несмотря на позднейшие перестройки, особняк сохранил не только облик, но и дух московского ампира. Двухэтажный, компактный, немного тяжеловатый в пропорциях, со скромным достоинством украшенный портиком из четырех дорических полуколонн и рельефными лепными вставками, дом исполнен теплого уюта старой Москвы. В 1840-х гг. в этой городской усадьбе размещалась фабрика металлических тканей, на которой были заняты 26 рабочих. С 1849 по 1917 г. домом владели купцы Веревкины.

Затянутое строительной сеткой, изрядно обветшавшее и пустующее здание (№ 24) на углу с **Фалеевским переулком** имеет долгую строительную историю. В XVIII в. здесь стоял питейный дом. На этом участке находился также склад экспедиции Кремлевского строения. После пожара 1812 г. каменное здание в этом владении было капитально перестроено для купчихи Лебедевой. От него доныне сохранилась угловая часть. Все остальное длинное двух-трехэтажное строение возводилось в несколько этапов начиная с 1826 г. и не раз

передылавалося. На фасаде, выходящем в переулок, сохранились и заложенные арки первого этажа. Это следы хлебных лавок. Некогда и переулок именовался Мушным (Мучным), позднее Хлебным. Он образовался на месте древней протоки между Москвой-рекой и Болотом. Она изображена еще на первом геодезическом плане Москвы 1739 г. Позднее протоку преобразовали в дренажную канаву, а после 1791 г. засыпали. Переулок вел с набережной в самое сердце хлебной торговли Первопрестольной – на Болотную площадь и Лабазную улицу. На его левой стороне два столетия назад располагалась обширная усадьба купца Д.Ф. Фалеева. Двухэтажный каменный дом выходил на красную линию набережной и смотрел парадным фасадом на реку и Кремль. По сторонам стояли флигели, позади раскинулся сад.



Фалеевский переулок, вид на колокольню Ивана Великого

С XIX в. за переулком утвердилось название Фалеевского. Удивительное это место! Здесь нет архитектурных шедевров, даже эффектных фасадов, зато есть один из самых впечатляющих видов старой Москвы, ее зримых образов. Если со стороны Болотной площади заглянуть в узенький и тесный, как ущелье, Фалеевский переулок, то в его перспективе, словно мираж, возникает во весь рост белоснежный златоверхий столп Ивана Великого с пятиглавым Архангельским собором под боком, а затем все шире и шире разворачивается величественная панорама Кремля. В этот укромный, удаленный от нахоженных экскурсионных троп уголок редко забредают туристы, но он давно облюбован киношниками. Здешний пейзаж с Кремлем на заднем плане легко узнается на кадрах хрестоматийных фильмов, например «Летят журавли» или «Сибирский цирюльник».

Перспективу же Фалеевского переулочка с другой стороны, от Ивановской колокольни, замыкает летящий силуэт замоскворецкой церкви Воскресения в Кадашах. Эта воздушная линия, продолжавшаяся вдаль на много верст вплоть до храма Вознесения в Коломенском, служила, если верить некоторым исследователям древнерусского градостроительства, осью всего ансамбля средневековой Москвы, символически воплощавшей образ благословенного Небесного града. На этой же градостроительной оси на Москве-реке напротив Кремля в старину располагалось еще одно святое место – иордань. Зимой здесь во льду устраивалась прорубь. Над ней возводили красивую деревянную сень. Ежегодно в праздник Богоявления сюда из Кремля через Тайницкие ворота направлялся крестный ход. Шли царь, патриарх, духовенство столичных храмов, чины служилые, войско и весь люд московский. Многотысячная толпа заполняла все пространство замерзшей реки и ее берега. Патриарх золотым крестом святил воду, окроплял ею царя и окружающих. Освященной водой наполняли бочки и чаны, развозили их по московским церквям и частным домам, доставляли и в государевы

конюшни для царских лошадей. В завершение церемонии, когда власти предержащие удалялись в Кремль, сотни людей бросались в прорубь, совершая подвиг благочестия, смывая грехи. Матери окунали в воду младенцев. Здесь же крестили иноверцев, пожелавших принять православие.

Москва-река напротив Кремля в старину была одним из самых оживленных мест города, особенно зимой, когда по ее ледяной широкой и ровной, не в пример ухабистым и кривым московским улицам, поверхности начиналось интенсивное движение повозок и пешеходов. Тут же и торговали. Итальянский дипломат Амброджо Кантарини, побывавший в Московии в 1740-х гг., писал: «В конце октября река, протекающая через город, вся замерзает: на ней строят лавки для различных товаров, и там происходят все базары... Ежедневно на льду реки находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров... Чистое удовольствие смотреть на это огромное количество ободранных от шкур коров, которых поставили на ноги на льду реки». Этот зимний рынок просуществовал несколько веков. Постепенно он приобрел специализацию – постные товары и название – Грибной. Проходил он на первой неделе Великого поста. Даже когда в XIX в. Грибной рынок перевели на Москворецкую набережную, москвичи по старой памяти говорили: «Пойдем на лед».

Замерзшая река подчас становилась и местом военных действий. Именно по ней лютой зимой 1238 г. подступила к обреченной Москве Батыева орда. Весной 1611 г. на последнем льду напротив Тайницких ворот восставшие против поляков москвичи и ополченцы Минина и Пожарского рубились с наемными солдатами кондотьера Жака Маржерета. В мирное время замерзшая река служила первым московским ипподромом. О конских ристалищах здесь сообщает тот же Кантарини, замечая: «Случается, что при этом ломают себе шею». Зимние состязания на кругу между Каменным и Москворецким мостами проводились почти до конца XIX в. и собирали здесь на специально строившихся трибунах, на Софийской и Кремлевской набережных, десятки тысяч болельщиков.

Сегодня в теплый сезон во время навигации на Москве-реке бывает тесно от прогулочных судов. Не прекращается их движение и зимой – с недавних пор здесь курсируют экскурсионные теплоходы ледокольного класса.

Вернемся, однако, на Софийскую набережную. На углу с Фалеевским переулком вот уже больше века возвышается величественный четырехэтажный дом № 25. На его фасаде эмблема нефтяной компании, но в истории он остается замечательным памятником купеческой филантропии. Благотворительность в старой Москве была и велением души, и нормой общественной морали, и лучшей рекламой, и самым надежным способом увековечить свое имя. К тому же такая деятельность поощрялась государством. В подобных условиях количество благих дел росло год от года. Казалось, Москву здесь трудно было чем-либо удивить. Тем не менее открытие в 1903 г. на Софийской набережной Дома бесплатных квартир имени братьев А.А. и В.А. Бахрушиных стало событием в жизни города. А человеку нашего времени и вовсе трудно представить, что это огромное, на целый квартал, солидное здание с парадным подъездом и красивым куполом, смотрящее прямо на Кремль, строилось как... общежитие для бедных вдов с детьми и неимущих курсисток.

Некогда на этом месте располагалась уже упомянутая усадьба Фалеева. В 1812 г. дом сгорел. Позднее им, уже восстановленным, владел надворный советник И. Кологривов. В конце XIX в., когда московская недвижимость стала переходить в руки новых «хозяев города» – купцов, участок на Софийской набережной и соседнее владение на Болотной площади приобрел В.А. Бахрушин.

Василий Алексеевич происходил из знаменитой семьи московских предпринимателей, которые слыли в Москве «профессиональными благотворителями». Бахрушины вышли из купцов города Зарайска. Своим родоначальником они считали некоего Бахрушина – каси-

мовского татарина, принявшего православие. Его потомки долгое время были просолами – скотогонами. Занимались они и продажей шкур на кожевенные заводы. В 1821 г. Алексей Федорович Бахрушин перебрался в Москву. Занимался продажей сырых шкур, затем открыл перчаточный заводик в замоскворецких Кожевниках. Человек неумной энергии, восприимчивый ко всему новому, Алексей Федорович поставил дело на широкую ногу. Однако плоды трудов своих сполна пожать не успел. В 1818 г. он умер от холеры, оставив семье неподъемные долги.

Возможно, дело бы рухнуло, если бы не взяла его крепко в руки умная и рачительная вдова покойного Наталия Ивановна. А вскоре подросли и сыновья Петр, Александр и Василий. Они расширили кожевенное производство, открыли большую суконную фабрику. Огромную прибыль принесли Бахрушиным военные заказы во время Крымской и Русско-турецкой 1877–1878 гг. войн. Фабриканты много занимались и банковскими делами, а также операциями с недвижимостью, в том числе в Якиманской части Москвы.

Но настоящую славу, не угасшую и поныне, Бахрушиным принесли благотворительность и меценатство. Только на крупные социальные проекты ими было затрачено свыше 3,5 млн рублей! Сумма по тому времени огромная. Приведем несколько деяний семьи Бахрушиных: церковь, богадельня и училище в Зарайске, большая бесплатная больница в Москве на Сокольническом поле (ныне Остроумовская) с домом призрения для неизлечимых больных, сиротский приют в Сокольниках, театр Корша в Богословском переулке.

Из всего семейства самым известным и популярным был, безусловно, Александр Алексеевич. Он, хотя и воспитывался в старозаветных купеческих правилах, с детства знал французский язык. Кожевенное дело осваивал не только на отцовском заводе, но и во Франции, Англии, Германии. Был Александр Алексеевич и видным общественным деятелем, гласным Московской городской думы. В 1901 г. за благотворительные начинания он вместе с братом Василием Алексеевичем удостоился звания почетного гражданина Москвы, чем чрезвычайно гордился. Помимо всего прочего, А.А. Бахрушин жертвовал немалые суммы на такие необычные для тех лет проекты, как исследования в области авиации и экспериментальной медицины.

Умер он в 1916 г. в возрасте 92 лет от воспаления легких. По завещанию Александра Алексеевича на благотворительные цели было отпущено 800 тысяч рублей. Подмосковное имение филантропа Ивановское отошло Московскому городскому самоуправлению для организации колонии для беспризорных детей. Первопрестольная почтила память А.А. Бахрушина тем, что было решено повесить его портрет в зале заседаний думы.

Впоследствии, однако, фигура Александра Алексеевича оказалась в тени громкой известности его сына Алексея Александровича, создателя знаменитого Бахрушинского театрального музея в Замоскворечье. Коллекционирование вообще было страстью этой семьи.

Наконец, один из Бахрушиных, Сергей Владимирович, ярко проявил себя на ученом поприще. Виднейший историк, он был, в частности, крупным знатоком прошлого Москвы.

В истории Якиманки эта купеческая семья отмечена прежде всего созданием Дома бесплатных квартир. В 1895 г. В.А. Бахрушин покупает владение на углу Болотной площади и Фалеевского переулка. Располагавшееся там жилое здание было по проекту архитектора К.К. Гиппиуса перестроено под бесплатные квартиры. Вторая очередь благотворительного комплекса строилась в 1900–1903 гг. рядом, на Софийской набережной, по проекту академика Ф.О. Богдановича-Дворжецкого. 7 сентября 1903 г. митрополит Московский Владимир (будущий первый российский святой новомученик, расстрелянный в Киеве большевиками) совершил чин освящения домового храма Святителя Николая. Церковный купол с крестом стал композиционным центром архитектурного ансамбля. Над западным фасадом здания со стороны Фалеевского переулка поднималась изящная колоколенка со шпилем. Она

несколько смягчала строгую симметрию и чопорность облика огромного дома. Внутри же храма всеобщее внимание привлекал иконостас, стилизованный под XVII век.

Бахрушинский дом бесплатных квартир за несколько лет существования приютил тысячи нуждающихся. Так, в 1912 г. здесь было 456 однокомнатных квартир (от 13,2 до 30,4 кв. м каждая), в которых проживало 2009 человек. Из них 1378 детей и 160 курсисток, остальные – вдовы и обслуживающий персонал. В отличие от других московских вдовьих домов женщины здесь жили вместе со своими детьми, а не порознь.

Бахрушинцы позаботились не только о крове для призреваемых. В доме было два детских сада, начальное училище, две учебные ремесленные мастерские для мальчиков и девочек, по две амбулатории, аптеки, лазарета, а также рекреационные залы, читальни, рабочие комнаты со швейными машинками. Во дворе был прекрасный сад с качелями и гимнастическими снарядами. Истратив на исполнение своего замысла более 1 млн 200 тысяч полновесных царских рублей, Бахрушины передали комплекс в управление города.

В 1908 г. дом на Софийской набережной едва не постигла катастрофа. Он оказался в эпицентре крупнейшего московского наводнения. Лишь распорядительность персонала и счастливое стечение обстоятельств спасли обитателей здания. После революции благотворительное учреждение перестало существовать. В 1921 г. закрыли храм, впоследствии сняли крест с купола, снесли колокольню, а колокола отослали в один из дальних приходов Калужской области. В годы НЭПа в бахрушинском доме жили сотрудники 1-й Американской строительной конторы, позднее здесь были обычные коммуналки. Сменилось несколько хозяев здания, пока в нем не обосновалось Министерство нефтяной и газовой промышленности СССР. Ныне здесь – компания «Роснефть».

Соседний двухэтажный дом № 28 – единственная на всей набережной постройка советского времени. Ранее здесь стоял трехэтажный купеческий особняк. Любопытный осколок старины сохранился во дворе, где все строения обозначены под № 30 и куда можно попасть, пройдя через арку. Узкий коленчатый проулок, укрытый от досужих глаз, пронизывает квартал насквозь – до самой Болотной улицы. Среди строений XIX – начала XX в. приютился маленький старинный домик с простодушным палисадником. Это единственное в ближайшей округе частное владение. Особняк, где когда-то проживала семья управляющего соседней купеческой усадьбой, был в 1923 г. передан застройщику А. Розанову, потом отошел государству, затем опять вернулся уже к сыну бывшего владельца. Профессор Розанов живет здесь и сейчас.



Храм Святой Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках

Следующий адрес на нашем маршруте – Софийская набережная, 32, историческое владение церкви Святой Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках. На Москву-реку оно выходит величественной надвратной колокольней. Сам храм находится в глубине участка. Как уже говорилось, существует версия его основания «сведенцами» из Великого Новгорода в 1488–1489 гг. Первые же письменные свидетельства о Софийской церкви появляются в летописных сообщениях о больших пожарах 1493 и 1495 гг. Долгое время она оставалась деревянной, не отличаясь ни размерами, ни благолепием. На планах Москвы XVII в. храм Святой Софии показан одноглавым с шатровой колокольней, стоящим посреди Государева сада. Его прихожанами были в основном обитатели Садовой слободы. Местность эта, отделенная рекой от Кремля, тогда еще считалась окраиной. Немудрено, что сюда, в храм на отшибе, был послан на служение протопоп Аввакум Петров, противник церковных реформ патриарха Никона, в будущем один из основателей старообрядчества и его мученик.

Но и замоскворецкие слободы богатели, отстраивались, украшались. По-видимому, в середине XVII в. было наконец возведено новое каменное здание церкви Святой Софии в Средних Садовниках. Время пощадило его, а реставрационные работы последних лет позволили восстановить древний облик храма. Это добротный памятник московского зодчества XVII столетия: компактный четверик с тремя алтарными аспидами, сложным наборным карнизом и фигурными наличниками окон венчает горка кокошников и традиционное пятиглавие. В 1682 г. храм перестраивался. Тогда при нем были трапезная и шатровая колокольня. В 1722 г. освятили придел Андрея Первозванного, а в 1757 г. – еще один – во имя Дмитрия Ростовского. Храм по-прежнему оставался небольшим, довольно скромным, но был на виду у всей Москвы. Каждый, кто любовался на Замоскворечье с Кремлевского холма, невольно замечал изящную церковку у его подножия. А какой вид на Кремль открывался от Святой Софии!

Среди прихожан храма был великий зодчий В.И. Баженов, в разное время живший в двух усадьбах по соседству. В доме на церковном дворе у своего брата-пономаря квартировал еще молодым человеком, только ступившим на духовную стезю, будущий митрополит Московский Платон.

В 1812 г. храм серьезно пострадал от огня и грабежей наполеоновских мародеров. Но уже вскоре после освобождения Москвы, 5 декабря, в Андреевском приделе отслужили молебен «об избавлении от иноплеменных». Через полвека, в 1862–1868 гг., храм обзавелся новой колокольней – одной из самых внушительных в Москве. Проект выполнил Н.И. Козловский, средства на строительство пожертвовал богатый прихожанин купец С.Г. Котов. Огромное сооружение, высотой более 60 м, не отличается ни выдержанностью пропорций, ни чистотой стиля. Тем не менее прихотливое смешение романских и ренессанских элементов с формами древнерусского зодчества создает живописный образ, явно ориентированный на созвучие с Кремлем. Во втором ярусе колокольни, тщанием П.И. Харитоненко в память об излечении его дочери от тяжелой болезни, была устроена небольшая церковь иконы Богоматери «Взыскание погибших». Она славилась прекрасным беломраморным иконостасом. Первое время наряду с новой колокольней Софийский храм сохранял и старую. Но в ходе большой реконструкции 1891–1893 гг. ее снесли. Тогда же по проекту В.И. Веригина древнюю трапезную заменили новой, несоразмерно громоздкой, с приделами Николая Чудотворца и Андрея Первозванного. Внесли изменения в форму окон и убранство фасадов. Древние росписи также неоднократно подновлялись.

Революционной осенью 1917 г. храм оказался на линии вооруженного противостояния красного Замоскворечья и белого Кремля. Вокруг гремели выстрелы, свистели пули... Но то было лишь начало крестного пути. В ранние советские годы храм Святой Софии в Средних Садовниках испытал те же притеснения, что и другие московские святыни. Но службы в нем продолжались еще около двенадцати лет. Более того, Святая София пережила

в это нелегкое время новый расцвет. В 1922 г. сюда был переведен настоятелем отец Александр (Андреев). Москвич, выпускник Мещанского училища на Большой Калужской, в миру бухгалтер, затем священник, он ранее служил в соседней церкви Воскресения Христова в Кадашах. На новом месте отец Александр развернул поистине подвижническую деятельность – организовал сестричество, бесплатную столовую для неимущих, разнообразную благотворительную помощь. Он проводил духовные беседы, привлекавшие верующих со всей Москвы, отремонтировал храм. Сюда стали стекаться не только новые прихожане, но и реликвии из разрушенных и разоренных церквей и монастырей. В частности, был перенесен иконостас из закрытого Симонова монастыря. В годы богоборчества подобная активность не могла продолжаться долго, в 1929 г. протоиерея отца Александра Андреева арестовали и выслали в Семипалатинскую область. Впоследствии он некоторое время служил в Рязанской епархии, но затем был вновь взят под стражу, содержался в Таганской тюрьме и в лагере под Новосибирском. В 1937 г. его расстреляли. В 2000 г. протоиерей отец Александр Андреев был причислен к лику святых новомучеников.

Одновременно с первым арестом настоятеля в 1929 г. закрыли и храм. Он был обезглавлен, обезображен, приспособлен под квартиры. Жили люди и в колокольне. Позднее здесь разместился трест подводно-технических и строительных работ. Софийский же храм после войны заняла одна из лабораторий Института стали и сплавов. В 1980-х гг. началась вялотекущая реставрация древнего памятника. Лишь на рубеже XX–XXI вв. церковная жизнь на Софийской набережной вновь затеплилась. Сначала возобновились службы в церкви иконы Богородицы «Взыскание погибших» в надвратной колокольне. В храме Святой Софии первая после долгого перерыва литургия состоялась на Пасху 11 апреля 2004 г.

Вплотную к «кружевной» Софийской колокольне примыкает огромное грузное здание – ее ровесник. В старой Москве оно было известно как Кокоревское подворье...

Одна из наиболее ярких эпох преобразований началась в России во второй половине XIX в. Она вместила в себя отмену крепостного права, другие великие реформы Александра II, решительное наступление русского капитализма, небывалый рост промышленности и торговли, становление гражданского общества, подъем науки и техники, наконец, выдающиеся явления в сфере культуры. Памятником этой эпохи осталось в Москве Кокоревское подворье на Софийской набережной, 34.

До середины XIX в. этот участок в Средних Садовниках занимали частные дворы. Один из них в 1773–1776 гг. принадлежал архитектору В.И. Баженову. В усадьбе были двухэтажный дом, стоявший торцом к набережной, хозяйственные постройки, плодовый сад и даже небольшой прудик. Зодчий в то время вдохновенно работал над осуществлением грандиозного проекта перестройки Кремля, который так и не удалось завершить.

В 1860 г. два здешних участка приобрел и объединил в одно владение купец Василий Алексеевич Кокорев (1817–1889). Это был колоритнейший персонаж своего времени, личность легендарная. «Он войдет в историю как «человек большого калибра» и «игры ума». Его в шутку называли кандидатом в министры финансов... Не только в истории московского купечества, но и в русской истории вообще он останется яркой фигурой человека, который хорошо знал нужды России и ее народный характер, угадывал ее потребности и подчас находил нужное решение» – так писал о Кокореве знаток Москвы купеческой П.А. Бурышкин. Были, впрочем, и другие, резко негативные или иронические отзывы современников, обвинения в лицемерии и гордыне, в неразборчивости в средствах достижения цели. Увы, ныне имя Кокорева известно лишь специалистам. Это тем более несправедливо, что именно он стоял у истоков базовых отраслей отечественной экономики, определяющих благосостояние страны и в наши дни.

В.А. Кокорев родился в семье солигаличского купца-старообрядца, нигде не учился, но весьма преуспел в самообразовании. Он стал состоятельным человеком еще в молодом

сти, унаследовав родительские капиталы и приумножив их внедрением новой технологии производства соли. Однако подлинное, поистине сказочное богатство принесли Кокореву винные откупы, реформированные по схеме, предложенной им правительству. «Откупщицким царем» величал Василия Алексеевича его приятель и деловой партнер Савва Мамонтов. Нажив несметные капиталы (по разным оценкам, от 6 до 30 млн рублей, что по нашему счету примерно равно стольким же миллиардам), Кокорев мог браться за масштабные и рискованные проекты. Он наладил торговлю с Персией, был в числе пионеров нефтяной отрасли в России. В 1857 г. в Сураханах под Баку он строит первый в стране нефтеперерабатывающий завод для производства осветительного масла. Добыча черного золота растет стремительно. В качестве научных и технических консультантов Кокорев привлекает к делу ведущих специалистов, в том числе Д.И. Менделеева. Раньше многих других купец-новатор оценил огромное значение и далекие перспективы транспортного бизнеса. Он активно участвовал в железнодорожном строительстве, буквально преобразившем Россию, организовывал речные и морские пароходства, первым предложил пустить в Москве конку.

Ярко проявил себя Кокорев и как финансист. Ему принадлежит приоритет в создании российских акционерных обществ и первого московского коммерческого банка – Купеческого. Впрочем, широкой натуре Кокорева тесно даже в рамках столь бурной предпринимательской деятельности. Он смело и решительно ступил на общественную стезю. В его лице русский бизнес приобрел не только практика, но и теоретика и глашатая. В своих книгах, статьях и речах Кокорев пропагандировал отказ страны от внешнеполитических авантюр и сосредоточение сил на внутреннем развитии, ратовал за создание национальной модели капитализма. «Пора прекратить поиски экономических основ за пределами отечества... пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу» – эти слова звучат актуально и сегодня. Кокорев был близок к славянофилам, особенно к Аксаковым, дружил с М. Погодиным. У тогдашних консерваторов он, однако, слыл западником, либералом, демократом и чуть ли не смутьяном.

Кокорев и впрямь не боялся публичных акций. Так, в феврале 1856 г. он организовал в Москве торжественную встречу защитников Севастополя, превратившуюся в небывалую патриотическую манифестацию. У Серпуховской заставы Кокорев лично поднес героям-черноморцам огромный хлеб-соль и, встав на колени, поклонился им. А на Серпуховской площади их ждали накрытые столы с обильным угощением. Три дня севастопольцы пили и закусывали бесплатно: все расходы взяли на себя винные откупщики, подвигнутые своим «царем». Кокорев оказался и в числе самых смелых пропагандистов отмены крепостного права и проведения либеральных реформ.

Еще одна сторона кипучей деятельности предпринимателя – меценатство и культурное просветительство. Кокорев собрал коллекцию живописи из 500 произведений русских и зарубежных мастеров и в 1862 г. открыл при своем доме в Петроверигском переулке публичную галерею. Здесь же был лекционный зал, где выступали такие корифеи, как Тургенев и Достоевский, а также трактир в русском стиле. Позднее Кокорев основал для художников известную «Академическую дачу» под Вышним Волочком. Был Василий Алексеевич и страстным книголюбом, собрал библиотеку из более чем 4000 томов.

Размах начинаний Кокорева наглядно демонстрирует гостинично-деловое подворье, возведенное напротив Кремля на Софийской набережной. Стройка обошлась более чем в 2 млн рублей! Проект выполнил петербургский архитектор И.Д. Черник. Руководил строительством А.В. Васильев (А.В. Булгарин). Все работы завершились в 1864 г. Кокоревское подворье представляло собой вытянутое с юга на север каре из четырех корпусов. Два основных, расположенных симметрично, выходили на Москву-реку и Водоотводный канал. В них было по четыре и шесть этажей, в центре фасадов – проезды во двор. Мощные карнизы, арочные окна, суровая сдержанность убранства придавали зданию несколько тяжеловес-

ную представительность. С двух других сторон пространство подворья ограничивали трехэтажные корпуса, а посреди двора впоследствии появился еще один корпус – в пять этажей.

В здании, выходящем на Москву-реку, обосновалась гостиница. Она была тогда крупнейшей в городе: 315 номеров вмещали 700 постояльцев. Необычные для своего времени удобства – водопровод, ванны и ватерклозеты, богатая библиотека-читальня, а также относительная дешевизна проживания – и, главное, чудесный вид на Кремль способствовали популярности Кокоревского подворья. Кто только не останавливался здесь: писатели Мамин-Сибиряк, Мельников-Печерский, бельгийский поэт и драматург Эмиль Верхарн! Здесь бывал Чехов, сравнивший огромное мрачноватое Кокоревское подворье с Эскориалом – замком испанских королей. В 1867 г. Лев Толстой посетил в гостинице сестру Марию Николаевну, остановившуюся здесь с детьми. Особенно любили Кокоревское подворье художники – без сомнения, из-за панорамы Кремля. Крамской, Поленов, Верещагин гостили здесь, а Константин Коровин, Виноградов и Пчелин даже устроили свои мастерские. Не раз останавливался в Кокоревке и Репин. В 1867 г. он отмечал в письмах, что «пребывает здесь с удовольствием», а Замоскворечье называл «лучшим местом города». В 1872 г., приехав в Москву для работы над картиной «Славянские композиторы» для ресторана «Славянский базар», Илья Ефимович вновь поселился в Кокоревском подворье. Вид из окна на древний Кремль заставил его тогда вспомнить лермонтовскую «Песнь о купце Калашникове»: «Как-то особенно торжественно и тихо. Точно ждет чего-то старая Москва. Да, она действительно ждет пробуждения!» В 1877 г. Репин еще раз вернулся в гостеприимные стены: он подыскивал себе постоянную квартиру в Москве. С ним вновь была супруга и уже трое детей.



Василий Алексеевич Кокорев

В Кокоревском подворье долго жил и прекрасный художник, знаток и певец древней Москвы Аполлинарий Васнецов. Вид из окон на любимый им Кремль служил ему источником вдохновения и во многом определил и весь его творческий путь.

Среди музыкальных деятелей – постояльцев Кокоревского подворья можно упомянуть композитора Аренского, критика Лароша. Очень любил эту гостиницу Чайковский. В январе 1866 г. с нее, собственно, и началось знакомство Петра Ильича с Москвой. Правда, тогда композитор прожил здесь всего день, переехав к Н. Рубинштейну на Моховую. Но впоследствии, с 1879 по 1884 г., он останавливался в «Кокоревке» четыре раза.

Кокоревское подворье было, выражаясь современным языком, многофункциональным комплексом. Помимо гостиницы оно включало в себя два десятка магазинов, конторские и складские помещения. Во дворе корпуса, выходящего на Болотную улицу, в 1866 г. открылся первый в Москве коммерческий Купеческий банк. Инициаторами и активными участниками начинания были В.А. Кокорев, Ф.В. Чижов, И.А. Лямин при содействии известного финансиста Е.И. Ламанского. Знают ли современные столичные банкиры, откуда пошло их дело?

Одновременно со строительством подворья Кокорев взялся за преобразование его окрестностей. Вдоль Водоотводного канала был разбит первый в Замоскворечье бульвар, названный Кокоревским. Как уже говорилось, существовал проект строительства здесь пешеходного мостика.

Предпринимательский взлет Кокорева закончился тогда, когда государство, дотоле ему покровительствовавшее, сменило экономический курс. Чтобы расплатиться с долгами, Василию Алексеевичу пришлось за полцены распродавать активы и недвижимость. Пошло с молотка и подворье. Впоследствии хозяином его был князь Н. Гагарин.

В 1905 г. где-то в недрах подворья революционеры хранили бумагу для нелегальной типографии РСДРП. Оттуда же распространялась подпольная литература. В 1917 г. красногвардейцы, пробравшись на чердак гостиницы, обстреливали Кремль. В советское время в подворье угнездились различные конторы. Было здесь и жилье. В конце концов бывшую гостиницу облюбовало военное ведомство. Здание получило трехэтажную надстройку и стало похожим на громадный сундук. Совсем недавно, в начале XXI в., корпус, выходящий на Водоотводной канал, неожиданно дал трещину. Пришлось срочно эвакуировать людей, а затем снести крыло здания. В будущем предполагается его восстановление. Существуют планы сноса надстройки над основным корпусом на Софийской набережной и воссоздания его в первоначальном виде. Недавно военные постояльцы наконец покинули здание. Думается, историческое Кокоревское подворье еще способно послужить Москве по своему первоначальному назначению – как первоклассная гостиница, деловой и культурный центр.

На Москве-реке, у подножия Кокоревки, еще в начале XX в. был пассажирский причал, откуда небольшие пароходики отправлялись вниз по течению до Симонова монастыря. Им приходилось лавировать между громоздкими барками, которые теснились в русле порой в несколько рядов. Москва лишь в советское время обзавелась оборудованными речными портами. До этого суда разгружались прямо на берега.

За Кокоревским подворьем плотно сомкнутый строй домов на Софийской набережной резко обрывается. Тут, прямо перед Кремлем, уже который год зияет пустырь с небрунными остатками недостроя. Еще сравнительно недавно на этом месте стоял старинный дом (№ 36), возведенный в 1842 г. на основании еще более ранних построек XVIII в., принадлежавших Демидовым, затем Находкиным. Высокий нижний этаж с большими арками предназначался для торговых лавок. Здесь же были и склады. С 1882 по 1892 г. домом владела княгиня А.И. Голицына. Затем он перешел к обществу «Московские товарные склады». В советское время здесь разместились коммуналки и учреждения. В январе 1992 г. на Софийской набережной, 36 появилась на свет первая в постсоветской Москве районная газета «Якиманка». Здесь тогда располагалась ее редакция, которую возглавляла А.Д. Галасина. Через несколько лет дом был снесен. Именно в этом дворе археологи нашли каменный топор 2-го тысячелетия до нашей эры. В 1998 г. здесь началось строительство многофункционального комплекса «Царев сад» с офисами, ресторанами, апартаментами и четырехъярусным подземным паркингом. Однако ввести в строй удалось лишь четверть из запланированных 80 тыс. кв. м площадей. Амбициозный проект потерпел крах и в 2001 г. был заморожен. Десять лет стройплощадка напротив Кремля зарастала бурьяном, пока не начался демонтаж конструкций, а заодно и уже построенных зданий «Царева сада». Сейчас участок зарезервирован под новое строительство. Что появится здесь, в толще исторической Москвы, пока неясно.

Софийская набережная завершается у Большого Москворецкого моста. До его сооружения в 1930-х гг. сплошная застройка продолжалась до улицы Балчуг. Там, где сейчас мост, стоял, несколько отступив от красной линии набережной, классический особняк с четырехколонным коринфским портиком – достойное украшение подножия Кремля. В 1818–1826 гг. он принадлежал купцам Чичериным. Позднее, во второй половине XIX в., он перешел к купцу 1-й гильдии, гласному городской думы Н.П. Ланину. Имя это знала вся Россия благо-

даря искусственному «ланинскому шампанскому», которое, по словам В.А. Гиляровского, «подавалось подвыпившим гостям в ресторанах за настоящее и было в моде на всех свадьбах, именинах и пирушках средней руки». В доме на Софийской набережной Ланин и разместил свое «Заведение минеральных, фруктовых, ягодных вод и русских виноградных вин». И здесь же в начале 1880-х гг. находилась редакция ярколиберальной газеты «Русский курьер», особенно популярной в провинции. Ланин, купивший издание прежде всего для рекламы своей продукции и собственного продвижения в городские головы, был формальным редактором, фактически же делом руководил приват-доцент Московского университета, журналист и общественный деятель В.А. Гольцев. Впрочем, молодого вольнодумца вскоре под давлением властей вынудили уйти, а затем угасла и газета. Особняк же продержался дольше. Его и еще три соседних дома снесли при строительстве Большого Москворецкого моста. К этому сооружению мы и подходим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.